

Маша
ЛОВЫГИНА

ПРОЩАЙ,
Алиса!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маша Ловыгина

Прощай, Алиса!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69852961

SelfPub; 2023

Аннотация

Андрей Ольховский – профессиональный игрок и авантюрист. В небольшой южный городок он приехал, чтобы отомстить обидчику отца. Все шло по плану, пока не появилась дочь этого местного «царька». У Алисы свои причины убраться из города, и Андрей становится единственным, кто может ей помочь. Жаль, она не знает, что они враги, и даже не догадывается о том, что стоит за его согласием.

Содержание

1 Андрей	5
2 Алиса	13
3 Андрей	24
4 Алиса	32
5 Андрей	38
6 Алиса	45
7 Партия первая	50
8 Партия вторая	57
9 Стрит Флеш	65
10 Насос	72
11	85
12	92
13 Алиса	102
14	107
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Маша Ловыгина

Прощай, Алиса!

Книга является художественным произведением. Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

«Навзничь упавшие, насмерть пропавшие.

Нет стыда у любви, запретов не может быть!

Парим друг над другом мы, кружим самолётами —

Этим эфиром только и можно дышать,

В этих движениях только и стоит жить!»

"Ночные снайперы"

1 Андрей

Тимашаевск, июль 20...г

С недавних пор ненависть обрела для меня вкус и запах отвратительного кофе, который подают в местной забегаловке рядом с вокзалом. Возможно, здесь и понятия не имеют о том, каким божественным может быть этот напиток, но не мне им объяснять или учить этому. Пусть продолжают жить в своем счастливом неведении, потому что здесь я не задержусь. Ни в этой "рыгаловке", ни в этом стремном городишке, куда приехал лишь затем, чтобы сполна насладиться своей мезью.

И все же я сижу здесь и делаю вид, что занят просмотром бумаг, изредка прихлебывая из стакана так называемый «капучино». Кажется, я распробовал весь кофейный арсенал, чтобы прослыть поклонником местной кухни. Но не говорить же им, что каждый их напиток хуже предыдущего?

Мне нужно скоротать время, чтобы увидеть *ее*. Потому что фотографии не так хороши, как оригинал. И с каждым разом я все больше убеждаюсь в этом.

Я слышу голоса и вижу ее среди таких же, как она, будущих первокурсниц. Разумеется, это единственное, что уравнивает ее с ними. Потому что *она* особенная, хоть, как мне кажется, и не догадывается об этом. Но не стоит обольщаться, потому что это всего лишь искусная игра на манер тех,

что ведет ее отец. Благодаря его интригам и предательству мой отец отсидел восемь лет, а мать навсегда потеряла способность видеть, выплакав по нему глаза.

Что ж, месть действительно хороша именно в холодном виде. Сейчас я понимаю это как никогда. Все, что горело и в итоге прожгло во мне черную дыру, давно превратилось в пепел. И на руинах моей искалеченной гордости наконец выросло крепкое дерево стремлений и веры в себя, не зависящих от чьего-либо мнения. Даже от мнения собственного отца, вдруг решившего простить и забыть нанесенное оскорбление и предательство. Вероятно, когда мне тоже будет столько же лет, сколько и ему, я уверю во всепрощение и божественный свет, но точно не сейчас.

Потому что вижу ее отражение в пошлой глянцевой пластиковой стене напротив.

– Девочки, кто что будет? Я угощаю.

Невольно поворачиваю голову и смотрю на щебечущий курятник. Я понимаю, почему они здесь. Дружеские посиделки – святое дело, да и выпечка, судя по всему, здесь на порядок лучше, чем кофе.

Тонкими пальчиками она берет стакан с морсом и, аккуратно придерживая ладошкой другой руки, ставит его на поднос.

– Танечка, тебе круассан с шоколадом? Ириш, ты, как всегда, по ватрушкам?

Надо же, Танечки, Ирочки... Она просто сочится мёдом.

Но самое неприятное, что звук ее голоса отдается во мне мягкими волнующими толчками. Она говорит негромко, но тембр голоса восхитителен – с едва заметной хрипотцой, словно она только недавно перенесла ангину и все еще боится говорить в полную силу. Хотел бы я услышать, как она стонет в то время, как я...

Наши взгляды перекрещиваются. Она вспыхивает и отводит глаза. Но по ее приоткрытым губам я понимаю, что она думала обо мне и о том, что наша встреча может состояться вновь.

Сегодня третий день, как мы пересекаемся в одном и том же месте и, пожалуй, на нее подобное обстоятельство уже произвело должное впечатление. Гостиница, в которой я остановился, всего лишь в паре кварталов отсюда. Мой черный «мерин» стоит у входа, и я обратил внимание на то, как она оглядела его перед тем, как войти в кафе.

Маленькая расчетливая сучка.

Поразить провинциальную барышню не так уж сложно, учитывая, что несколько лет я провел за границей, а теперь живу в Москве. А то, что провинциальная барышня – дочь одного из местных «царьков» лишь добавляет изюма в большой каравай мести, который я уже готов поставить в печь.

Ее подружки бросают заинтересованные взгляды в мою сторону. Среди них есть вполне симпатичные экземпляры. Но я смотрю только на нее. Тем особенным взглядом, который вызывает на ее лице пунцовый румянец и заставляет по-

драгивать руки. Она поправляет светлый локон: сначала заводит его за маленькое ухо, а затем начинает накручивать на указательный палец.

Я вижу тень от ее ресниц и со своего места убеждаюсь, что она не пользуется тушью. Глаза у нее болотистого цвета, как затертое морскими волнами бутылочное стекло.

На едва тронутым загаром лице – россыпь мелких веснушек. Кожа у нее гладкая, чистая, и мое дыхание становится тяжелее, когда я думаю о том, что она такая же и под одеждой.

Она умеет одеваться. Скромный внешний вид может обмануть кого-угодно, но только не меня. Я знаю, что простые синие хлопковые брючки и серо-бежевое поло с расстегнутой верхней пуговкой и маленькой эмблемой над красивой грудью стоят половину зарплаты какого-нибудь местного работника. Интересно, какое она предпочитает белье – спортивное или кружевное? Я бы предпочел видеть ее вообще без него, с одной лишь золотой цепочкой вокруг тонкой талии, а еще...

Замечаю в ее глазах смесь удивления и тревоги и понимаю, что улыбаюсь. Скорее усмехаюсь собственным мыслям, которые вызывают во мне совсем недетское возбуждение, но старательно делаю вид, что занят делами. Очень кстати позвонил телефон, и я, продолжая улыбаться, отвечаю:

– Да, ждал вашего звонка. Доброго дня. Слушаю...

Каждое слово моего собеседника отзывается в моей ду-

ше яростным взрывом, фейерверком и долгожданным нефтяным фонтаном. У меня не было времени на то, чтобы досконально изучить работу местного аграрно-промышленного комплекса, возглавляемого Виктором Бражниковым. Тем самым «Брагой», с которым начинал когда-то бизнес мой отец, Анатолий Кручинин, и которого Бражников обманул, обвел вокруг пальца и кинул на огромные деньги. Тогда мне было десять, но я очень хорошо помню все, что происходило вокруг. Как мы лишились квартиры, машины и дачи. Как ютились по дальним родственникам и знакомым и ловили на себе косые презрительные взгляды и обвинения в воровстве. В итоге переехали в деревню, к отцовой тетке, и мать каждый день ездила на электричке в город на работу, чтобы прокормить меня и иметь возможность отправлять отцу посылки на зону. Здоровье очень быстро стало подводить ее, но она продолжала работать формировщицей заказов на строительном складе, пока не доконала себя окончательно. Устроиться на хорошую работу, когда ты инвалид по зрению, практически невозможно.

Мой отец очень любил ее и хотел, чтобы моя мать никогда и ни в чем не нуждалась. Ему почти удалось сделать ее жизнь достойной. И если бы не Бражников... Женщина с именем Светлана теперь вынуждена все время проводить во тьме, и никакие деньги уже не смогут вернуть ей свет.

Я отключаю вызов, потому что услышал все, что хотел. Мои друзья – братья Котя и Мотя Колокольниковы – гени-

альные хакеры, игроки и прирожденные инвесторы, успели собрать всю нужную мне информацию. Они были рядом со мной с самого детства, а их родители в свое время, пожалуй, единственными, кто не отвернулся от нас в трудный час. И хоть сами Колокольниковы жили кучно в однокомнатной квартире вчетвером, частенько вместе с ними оставался и я, пока мать работала в ночную смену.

...Девчонки хихикали и подкрашивали губки. Все, кроме нее. Она сидела, задумчиво глядя куда-то в сторону и покусывая кончик овального ноготка, однако стоило мне убрать телефон, как ее взгляд вновь припечатался ко мне. Когда я принял его, она тут же поспешно отвернулась.

В этих местах не принято пристально разглядывать кого бы то ни было. Особенно юным девушкам. Поэтому-то меня так задевало ее внимание. Я ощущал его постоянно, пока находился рядом с ней.

Но сейчас мне вдруг показалось, что она знает, зачем я здесь. Горячая волна прошила меня насквозь. Я чуть откинулся и принял непринужденную позу. Все эти дни я убеждал себя, что это была плохая идея – встречаться с ней. Чего я хотел? Лишь воочию увидеть ту, которая совсем скоро окажется на моем месте.

Меня щекотала мысль обнародовать информацию о том, что творилось в компании ее отца. Люди должны были узнать и о нецелевом использовании земель, и об отходах, щедро сливаемых в местные речки, и об экономии на кормах

для животных. Но сюда я приехал не за этим, а лишь для того, чтобы вытрясти как можно больше денег из Виктора Бражникова, так сказать, вернуть положенное.

И еще – я готов был на все, чтобы эта милая девочка с бархатными зелеными глазами узнала на собственной шкуре, каково это оказаться с голым задом на улице, потеряв уважение всех тех, кто до этого находился рядом.

Компания подружек, продолжая обсуждать условия обучения в университете краевого центра, двинулась к выходу. Она тоже встала, но сделав пару шагов, вдруг развернулась и направилась прямо ко мне.

– Если вы задумали что-то плохое, то лучше бы вам этого не делать, – сказала так тихо, что я потянулся на ее голос, боясь пропустить хоть слово.

– С чего вы взяли, что я хочу сделать что-то плохое? – возразил я, испытывая с трудом скрываемое торжество. – Быть может, наоборот, готовлюсь осчастливить мир.

Ее губы дрогнули, а брови сошлись над переносицей, будто она никак не могла решить – улыбнуться ей или рассердиться.

– Возможно, я ошибаюсь, но... – она с вызовом приподняла точеный подбородок, – мне не нравится, как вы смотрите на меня. В конце концов, это неприлично. Если вы не прекратите, я заявлю в полицию. Надеюсь, мы с вами больше никогда не встретимся. Всего доброго!

Она сказала это очень серьезно. Затем кивнула и зашага-

ла к выходу. Меня поразила удивительная для столь юного возраста выдержка. В свое время я бы даже позавидовал ей. Что скрывать, я и сейчас испытывал восхищение не только от ее прозорливости, но и от самомнения.

– Ах, Алиса, как бы нам встретиться... – напел я вполголоса, словно озвучивая внезапно возникшее внутри желание.

Что сказать, до сего момента никаких подобных планов я не строил, и, если бы не ее высокомерный взгляд, которым она одарила меня перед уходом, клянусь, оставил бы все как есть. Но одним этим взглядом она взбаламутила всю слежавшуюся грязь на дне моей души. И как бы Алиса Бражникова не была близка в своих предположениях к правде, разумеется, она даже не представляла, что ей приготовила судьба в моем лице.

Да я и сам еще не представлял этого в полной мере...

2 Алиса

– Ну, что ты решила? – Таня пересыпала семечки из одной ладони в другую и протянула Алисе. – Когда едешь?

Жаркое июльское солнце искрилось в брызгах фонтана городского парка, вокруг которого, словно купол, нависали радужные блики.

Алиса молчала, уставившись в одну точку, и когда Таня ткнула ее в плечо, вздрогнула и облизала губы:

– Что?

– Говорю, когда едешь доки отвозить. Решила, где жить будешь? В общагу ведь не пойдешь, – она хмыкнула и закинула в рот крупную семечку. – Ирка билет взяла, у нее тетка в Краснодаре, – лениво добавила она и скосила глаза. – Поди думает, что там себе быстрее мужика найдет. Может, и найдет какого завалищего, с нее станется. Тетка на рынке работает. Туда и Ирке дорога.

Алиса стиснула зубы и отвернулась, разглядывая идущую с детской коляской полную женщину.

– Неделю почти на вокзал таскаешься почему зря, – сплюнула Таня. – У меня от этих пирогов с ватрушками уже живот вздуло.

– Зачем тогда ешь? – тихо спросила Алиса.

Таня стряхнула семечки на асфальт, и стая голубей тут же ринулась подбирать их, толкаясь и не обращая внимания на

девушек.

– Думаешь, я не понимаю, почему ты туда ходишь? – прищурилась она.

– И почему же? – выпрямила спину Алиса.

Таня покрутила головой и, заметив высокого чернявого парня, сидящего на такой же скамейке в нескольких метрах от них, цокнула языком:

– Ля, охрана твоя! Давай его спросим?

– С ума сошла? – Алиса схватила ее за руку и с силой сжала.

– Ага, – Таня махнула ногой, отгоняя голубей. – Это ты себе скажи. Твой отец вообще в курсе, что ты в универ поступила?

– Это мое дело.

Таня откинулась назад и вытянула руки вдоль скамейки.

– Твое дело, ага.

– Мне восемнадцать исполнилось, если ты забыла, – продолжила Алиса срывающимся голосом.

– Я не забыла. Хорошо погуляли. Мы так никогда не жрали и жрать не будем. Спасибо, что пригласила.

– Таня, хватит! – Несмотря на жару, Алиса побледнела.

– Ладно, я не со зла. Просто у меня живот болит, – Таня погладила себя поверх платья. – Пирог эти... Слушай, ну дался тебе этот универ? Зачем тебе вообще учиться? Денег вагон, отец вон... – она поморщилась и прикусила нижнюю губу. – Не жизнь, малина! Ну хочешь, я тебе билет возьму?

– Там все равно по паспорту. Сразу донесут, – вздохнула Алиса.

– На автобусе можно, – предложила Таня.

Алиса дернула подбородком в сторону парня:

– Шагу ступить не дают, какой автобус? Везде глаза и уши.

– И шо теперь делать? – протянула Таня, обмахиваясь ладонью. – Даже если тебе удастся уехать, он все равно узнает, где ты. Хотя, может, смирится? По головке погладит? Скажет, умница, дочка!

– Кто? Мой отец? – Губы Алисы задрожали. Она покачала головой и закрыла лицо. – Если бы ты только...

– А? – склонила голову Таня. – Не погладит?

– Хватит об этом, – Алиса поднялась и тряхнула волосами.

– Так что ты решила? – Таня приложила ладонь ко лбу и посмотрела на нее снизу вверх.

– Да ничего, – отмахнулась Алиса. – Может, ты и права. Ну чего мне жаловаться, правда? У меня же все хорошо! Пойдем, еще прогуляемся! Можно до магазинов дойти.

– Не! Жарко. Домой надо. Мать вишню велела перебрать, огород полить. Короче, дел по горло.

Алиса вцепилась в ремешок сумки и несколько раз дернула его.

– Слушай, – приподняла брови Таня, – парень какой в кафешке сегодня был, а? Походу, залетный. Не знаешь, кто? Срочно-обморочно хотелось бы знать! – Глаза ее загоре-

лись. – Спроси у отца, а? Ну он же всё про всё знает! Мимо него мышь не проскочит! Спроси, а?

– Не буду я ничего спрашивать! – вспыхнула Алиса. – Отдыхающий, наверно.

– Не бреши! Костюм видела? А машину? А море? – прыснула в кулак Таня. – Отдыхающий... Какого он у нас забыл? Я курапачей* за версту узнаю. Этот другой...

– Тебе виднее, – пожала плечами Алиса.

– А что ты ему сказала? – улыбка на лице Тани заледенела. – Я заметила, как ты разговаривала с ним.

Алиса выдержала ее взгляд и спокойно произнесла:

– Сказала, чтобы не пялился на тебя.

Не дожидаясь ответа, она стянула с шеи сумочку и закинула ее за плечо. Парень на соседней скамейке поднялся и на некотором расстоянии последовал за ней.

– Ну пока, подруга! – крикнула Таня и состроила глазки парню. – Звони!

Алиса обернулась и быстро вытерла слезу в уголке глаза. В эту же минуту зазвонил телефон.

– Да? – хрипло ответила она, едва сдерживая учатившееся дыхание.

– Хватит шляться! Быстро домой! – сквозь шум в ушах донесся до нее голос отца.

Алиса остановилась, глядя на экран телефона. Затем развернулась и, сунув его в карман, склонила голову к плечу и улыбнулась.

– Гоча, – крикнула она, дожидаясь, когда парень подойдет ближе, – не устал?

– А шо, есть предложение за отдохнуть? – криво усмехнулся тот.

– Есть предложение за покурить, – почесала кончик носа Алиса.

– А за покурить, я тебя, малая, в бараний рог скручу, – беззлобно отозвался Гоча, поравнявшись с ней.

– Не скрутишь, – фыркнула Алиса. – Пошли вон туда! – она вскинула руку, указывая на узкую тенистую аллею, ведущую к складу паркового инвентаря.

– Кончай, ну, – Гоча быстро огляделся. – Батя ведь звонил?

– Откуда знаешь? – прищурилась она.

– У тебя все на лице написано, принцесса, – вздохнул Гоча. – Только ты зря дергаешься, все ведь для тебя! Ну это – закаты и восходы! – гнусаво протянул он и покраснел.

Не мигая, Алиса смотрела на него и теребила локон. Затем, упрямо приподняв подбородок, направилась внутрь аллеи.

– Ну шо опять, а?.. – хлопнул себя по ляжкам Гоча.

– Отцу нажалуешься? – оказавшись под ветвями старого платана, Алиса еще раз внимательно посмотрела на Гочу.

– Попадет ведь, – незлобиво напомнил он, и рука его дернулась к карману, в котором лежала сигаретная пачка. Заметив ее взгляд, Гоча широко улыбнулся, обнажив желтые в

пятнах зубы и погрозил ей пальцем. – Не-а, даже не думай.

– Гоча, а я тебе нравлюсь?

Лицо парня вытянулось, но тут же расслабилось.

– Я за тебя любого загрызу. А если батя скажет, то и живьем съем.

Алиса сглотнула и поморщилась:

– Фу! Ладно, пошли, живодер!

Обхватив себя руками за плечи, она стремительно зашагала по дорожке к выходу из парка.

Тимашаевск городок небольшой, но красивый, как и все южные города. И даже отсутствие моря, вернее, его отдаленность, не мешало воспринимать его как курортное место. Но сейчас Алиса думала о том, что если бы море было, то был бы и порт. С кораблями, яхтами и баржами. И, следовательно, шансы покинуть Тимашаевск резко бы возросли. Однако с таким же успехом можно было мечтать и о самолетах. Или о космодроме.

Она ловила на себе взгляды прохожих и, время от времени, кивала и здоровалась в ответ. Проблема была в том, что в Тимашаевске каждый знал, что Алиса – дочь Виктора Бражникова, владельца аграрно-промышленного комплекса, нескольких магазинов и заправок, местной "крыши", входящего в когорту городских "управленцев". Тимашаевск – государство в государстве, впрочем, как и, наверное, любой город в стране.

Вокруг было чисто и красиво, но сквозь эту пастораль

просвечивала бедность, которую Алиса видела без пресловутых "розовых очков". Ей хотелось верить, что где-то все устроено совсем иначе, и что она сможет жить совсем другой жизнью – без отцовских соглядатаев, без подобострастия вперемешку с ненавистью, и без постоянного чувства страха. Казалось бы, уж кому-кому, но только не ей чего-то бояться, однако Алиса ощущала опасность кожей и объяснить этого не могла.

Даже сегодня в вокзальной кафешке повела себя как умалишенная!

Она опять остановилась и подняла голову. Солнце ослепило ее, и на мгновение Алиса почти потеряла опору под ногами.

– Шо, малая? – тут же раздалось за спиной. – Воды?

Гоча рванул к магазинчику на первом этаже каменной двухэтажке и вернулся уже через минуту, держа в руках запотевшую бутылку минералки.

– Спасибо! – Алиса скрутила пробку и прильнула к горлышку. Сделав несколько обжигающих глотков, протянула бутылку обратно.

– Ни, – дернув кадыком, отмахнулся парень.

– Пей, Гоча!

– Я такое не пью, – гоготнул тот. – Сейчас придем, я пивасиком поправлюсь.

Алиса приложила холодный стеклянный бок бутылки к щеке.

Таня права. Странный парень. Симпатичный. В костюме. Друзья отца тоже почти всегда в костюмах, но они все такие противные, что... не костюмы, конечно, а друзья. Когда ты маленький, то особо не задумываешься о том, что чувствуешь к людям. Но с каждым годом в тебе открывается что-то такое, что позволяет тебе разделять людей на плохих и хороших. Ты можешь ошибаться, это нормально. Но такое случается все реже и реже...

Вот, например, Гоча – он хороший, потому что не дает ей делать плохие вещи. Ей, конечно, на самом деле все это ненужно, просто...

– Просто мне очень плохо... – неслышно прошептали ее губы.

Парень из кафешки никак не выходил у нее из головы. Как и его голос.

Алиса задержалась у витрины с бытовой техникой. Стояла, покусывая ноготь и бездумно глаза на выставленную стиральную машину.

Да, его голос! А еще интонации и произношение. Этот парень говорил, будто диктор телевидения. С центрального канала. В белой рубашке, выбритый, с красивой стрижкой...

Алиса наткнулась на отражение маявшегoся за ее спиной Гочи и поджала губы.

И одеколон у него классный!

Алиса глубоко вздохнула, пытаясь вспомнить его аромат. Но так и не смогла, потому что он воспринимался не запа-

хом, а чем-то волнующе-странным, отчего у нее все сжималось и пульсировало внутри.

Если бы она могла все вернуть назад, то не вылила бы на него свое отвратительное настроение. Она бы вообще промолчала. Сидела бы и смотрела на него.

– Господи, ну и дура, – прошипела Алиса, злясь на самую себя.

– Шо? – Гоча подошел ближе, обдав ее смесью табачного запаха и дезодоранта.

– Слушай, Гоча, а у тебя тачка есть?

– Конечно, – хмыкнул тот.

– А ты меня водить научишь? Я правила знаю.

Гоча скривился, словно от зубной боли:

– Ну ё-моё, опять двадцать пять! Батя же сказал, шо тебе не надо! Вон машина, гы-гы! – ткнул он пальцем в стекло.

Алиса скрипнула зубами и, оттолкнув его, зашагала дальше.

– Да я понимаю, – пошел на попятный Гоча, – хочется тебе! Я с 13 лет за рулем. И курю с десяти. Но ты же девочка, ё-маё! Сама же пешком уперлась сегодня. Можно ведь на машине было.

– Ходить полезно, Гоча, иначе жопа вырастет!

– А шо, хорошая жопа у бабы это... – он кашлянул и вытер рот ладонью. – Но это у бабы. А у принцесс, сама понимаешь, оно по-другому устроено.

– Да ты философ, Гоча, – не удержалась от смеха Алиса.

– Говорю же, я для тебя кем хочешь стану! Ну, в смысле... – Гоча покрутил в воздухе загорелыми руками и тоже рассмеялся.

У ворот Алиса увидела серый "ландкрузер" и вновь ощутила, как ледяной озноб коснулся разгоряченной солнцем кожи.

Войдя в дом, она прислушалась, а затем на цыпочках подбежала к закрытым дверям зала. Резкий скрип отодвигаемых стульев заставил ее отшатнуться и с той же скоростью кинуться обратно. Но убежать не получилось, голос отца пригвоздил ее к месту, будто бабочку к картонному листу.

– А, пришла!

Алиса обернулась и выжала из себя улыбку для отцовского гостя.

– Здравствуйте, Георгий Робертович!

– Здравствуй, Алиса! Как ты похорошела!

– Я же с вашим Мишей в одном классе училась, – пожала она плечами.

– Так вы с ним почти родные люди! – гортанно ответил он, поглаживая крупные, поросшие темными волосами руки.

Алиса поежилась от липкого взгляда черных выпуклых глаз. С Мишей Карапетяном никакого особого родства она не чувствовала, но произносить этого вслух не стала. Обычный парень, который не орел.

– Почти не почти, а, если договоримся, то роднее некуда будет, – вдруг произнес отец и протянул руку своему гостю.

*курапачи – гости, отдыхающие

3 Андрей

Как только закрылась дверь кафе, Андрей вместе со стулом отклонился назад, чтобы увеличить обзор в окне. И в тот же самый момент по другую сторону стекла появился высокий, коротко стриженный парень со скуластым лицом. Прильнув к окну, он оглядел пространство и мазнул по Андрею внимательным взглядом.

"А вот и придворный менестрель... Или паж", – понял Ольховский.

Алиса с подругами скрылись из поля его зрения так быстро, что Андрей испытал некоторую неудовлетворенность. Ему хотелось посмотреть, оглянется ли Алиса.

"Чтоб посмотреть, не оглянулся ли я", – хмыкнул он про себя и сгреб разложенные перед собой бумаги.

Пора было действовать. Точнее было бы сказать, что действовать было пора еще вчера. Но все пошло наперекосяк, когда он вдруг решил отвлечься на дочь Бражникова. Хотя, в конце концов, каждый имеет право иногда свернуть налево, разве не так?

Андрей достал телефон и стер последний звонок. Симку он приобрел еще в Москве и занес туда лишь нужные телефоны – приемной Минсельхоза России, министра того же ведомства, Центра агропромышленного развития, Департамента рыбного хозяйства, нескольких столичных рестора-

нов и клубов, рабочие номера некоторых госаппаратчиков и даже телефон приемной президента. Разумеется, этим занимался не он лично, а Мотя. Весь спектр "пустить пыль в глаза" был возложен на старшего Колокольникова. Младший, родившийся на десять минут позже, Котя, то бишь Константин, занимался технической стороной вопросов, собирая сведения в сетях, от знакомых чиновников и служащих, а также от ничего не подозревающих болтливых сограждан.

Нынешнюю схему пришлось разрабатывать практически на коленке после того, как Котя Колокольников принес список предприятий, жаждавших попасть под программу помощи малому бизнесу. Увидев фамилию Бражникова, Андрей поначалу не поверил своим глазам. Он не относился к тому типу людей, которые спят и видят сны о кровной мести, желая во что бы то ни стало как можно быстрее наказать обидчика и вернуть собственную честь. И на самом деле, Андрею было важнее упрочить собственную жизнь и жизнь родителей. Еще будучи школьником, он твердо знал, что поднимется и обретет финансовую независимость. А для этого было необходимо образование и нужные знакомства. Неустанно работая, не останавливаясь на достигнутом, выбирая все новые пути, год за годом Андрей Ольховский обретал тот самый лоск, который определяет знающего и умного человека.

Когда он получал паспорт, то взял фамилию матери. Она сама настояла тогда, испуганная тем, что срок отца мог повлиять на его будущее. А потом как-то само собой оказалось,

что лучше всего будет оставаться под фамилией Ольховский, чтобы нити, ведущие к родителям, Кручининым, не прослеживались так явно.

Умение лавировать и принимать верные решения с далеко идущими перспективами были у Андрея в крови. Просчитывать на несколько ходов вперед он научился еще в шахматном кружке, где и познакомился с братьями Колокольниковыми. Да и Матвей с Костей жили, как играли, представляя мир как виртуальную шахматную доску. Мир подчинялся логике и математическим законам, а значит, и Моте с Котей.

В юности Мотя и Котя производили впечатление тщедушных очкастых недорослей, но с возрастом приобрели не только статью, но и наглость. Когда они приняли решение «бросить кости» в столице, то потихоньку стали облагораживать собственный фасад, ибо столичные девушки предпочитали гармоничных юношей или мужчин с баблом. Бабло появилось довольно быстро, а привычка потеть в спортзале осталась. Тем более, там тоже можно было подцепить симпатичную девчонку, готовую продолжить тренировку с двумя эрудированными блондинами.

Андрей же предпочитал профессионалок. Они не выносили мозг и действовали согласно инструкции и прејскуранту. К тому же, обладая привлекательной внешностью и манерами, он получал от женщин, "знающих себе цену", даже больше заявленного. Поэтому, в зависимости от настроения

и времени, Андрей практиковался в любовном спорте, не заморачиваясь на тему длительных отношений. Он не считал любовь занудством или скукой, скорее, болью или болезнью. Пример родителей, разлученных на много лет и потерявших здоровье и силы, многому его научил. Но теперь, когда они были вместе и ни в чем не нуждались, когда он точно знал, что в их испанском доме тепло и сытно, а всего в нескольких сотнях метров от него раскинулось море, Андрей Ольховский был почти счастлив. Почти. Потому что в полной мере он готовился вкусить то самое пресловутое счастье, лишь отомстив.

Жизнь требовала больших средств, и чтобы заработать их, ему и братьям Колокольниковым приходилось крутиться. Часть их общего дохода шла от инвестиций, часть от онлайн-игры, где каждый из них уже сделал себе "имя", ну и, как вишенка на торте, – казна пополнялась за счет тех, у кого бабло уже не помещалось в карманах, а желание иметь его еще больше, росло день ото дня. Таких и в столице было навалом. Именно поэтому Андрей не успевал толком заняться не только периферией, но и проектом с кодовым названием "месть".

Когда он вспоминал скупые рассказы отца о том, что произошло, первая мысль, которая приходила ему в голову, звучала так: неужели ты не видел, с кем связывался? Но сейчас Андрей отчетливо понимал, что именно здесь, в Тимашаевске, Бражников почувствовал полную свободу и вседозво-

ленность, Брага и до этого не сдерживал себя, а здесь и вообще пустился во все тяжкие. Деловой жилки у него было не отнять, как и невероятной хитрости, которой, к сожалению, никогда не обладал отец Андрея. Он-то как раз считал, что все должно быть по правилам, ведь законы для того и придуманы.

Однако, стоило бы помнить, что то, что рождается вопреки правилам, имеет гораздо более прочную суть и силу.

Иногда Андрею нестерпимо хотелось выплеснуть всю желчь, которая скопилась у него внутри, но он сдерживался. А когда отец спрашивал его, честен ли он и не нарушает ли законы, то Андрей с легким сердцем отвечал «да». Потому что не стоило ему знать о том, как все устроено. Он уже хлебнул этой правды по самое не горюй. А Андрей хотел, чтобы они с матерью наслаждались жизнью. Ведь теперь он решал не только за себя, но и за них.

– Вот паспорт. Теперь ты Головастый Дмитрий Валентинович, второй зам начальника Отдела финансового контроля, – серьезно заявил Мотя, протягивая документ.

Котя издал хрюкающий звук. Плечи его содрогнулись. Сидя к Андрею и брату спиной, он щелкал по клавиатуре, просматривая бегущие перед ним таблицы.

Андрей взглянул на собственное фото и скривился – для

чиновника средней руки он выглядел недостаточно тучно. Словно прочитав его мысли, Мотя развел руками:

– Вы схожи по возрасту и внешним данным. К тому же, Головастый сейчас на Мальдивах с очередной соской, а числится на работе. Номера на тачке тоже его. Ты, главное, постарайся обходить все эти скользкие моменты, хорошо? Оставайся только посредником. Говори тихо и коротко. Юли юлой, понял?

– Моть, не учи ученого, – хмыкнул Андрей, защелкивая на запястье браслет швейцарских часов.

– Дюш, не взбрыкивай, – развернулся Котя. – Мотька правильно говорит. Смотри, не накуролесь со своей вендеттой.

Резким движением Андрей одернул манжеты и засунул паспорт во внутренний карман.

– Бражников твой – игрок и бандит. И ключевое слово здесь именно бандит. Тебе нужно лишь одно, чтобы он уговорил тебя взять у него деньги. Ему необходимо попасть в программу. Это золотая жила, – сказал Мотя.

– Они должны сами вычислить тебя. Ну, то есть, они должны думать, что они сделали это сами, ферштейн? – влез Котя.

– Не держите меня за идиота, мальчики, – закатил глаза Андрей. – Папа знает, как быть невидимкой.

– Не заиграйся, бро, и помни, они должны сами предложить тебе деньги.

– Я понял, понял. Вы только надобайте мне побольше ин-

формации о Бражникове. Сколько бы это ни стоило.

– Андрюха, – покачал головой Мотя, – не надо.

– Надо, Сеня, надо...

Первый день в Тимашаевске Андрей провел в гостинице, и выполз лишь раз, чтобы добраться до того самого вокзального кафе. Потому что именно там, среди людей, можно было подслушать все местные новости в режиме онлайн. И надо же было такому случиться, что именно там он впервые увидел Алису Бражникову.

Во второй день Андрей снова прогулялся до вокзала и вновь встретил ее в то же самое время. Правда, она уже уходила вместе с подружками, но определенно должна была заметить его. В этом он убедился сегодня. Как и в том, что в его схеме появились сквозные дыры, о которых Мотя и Котя еще не догадывались, считая, что все уже на мази.

За три дня московский чиновник Головастый Дмитрий Валентинович так и не удосужился заявиться в местный агрокомплекс с целью изучения обстановки и работы. Но изрядно "посветил" лицом.

– А ехать все-таки придется, – вздохнул Андрей и сложил бумаги в портфель. – Совсем расслабился.

Но это было не так. Мозг и чувства Андрея все это время боролись между собой. Ненависть к Браге подняла голову и

настойчиво требовала пойти на самые жесткие меры. И противиться этому было практически невозможно.

4 Алиса

Алиса стояла и смотрела вслед отцу и Карапетяну-старшему, пытаясь уложить в голове только что услышанное. Но ничего не складывалось, будто фразы разлетелись на буквы, а они в свою очередь перемешались, словно бочонки для игры в лото.

В воздухе витал густой винный запах. Заглянув внутрь комнаты, Алиса увидела по-быстрому накрытый стол, посреди которого стояла бутылка армянского коньяка и два пузатых бокала с остатками янтарной жидкости.

У отца, разумеется, был кабинет, но он во всем предпочитал размах. И зачастую именно здесь принимал гостей и своих приближенных. В это время Алиса и мать старались не показываться ему на глаза, но должны были находиться поблизости, готовые в любой момент появиться и услужить. Только он решал, когда и куда им идти, и чем заниматься.

И если мать все устраивало, то Алису подобное положение угнетало. Она не могла объяснить себе, почему так остро стала воспринимать свою жизнь, и что хуже всего, не имела представления о том, что сделать, чтобы ее изменить.

"Уехать, свалить ко всем чертям!" – бешено стучало в ее мозгу.

Алиса выхватила телефон и стала судорожно копаться в номерах. Нажав на вызов, попятилась к лестнице на второй

этаж. Руки дрожали, а ноги стали ватными, когда в дом вошел Гоча. Алиса сбросила вызов и протолкнула телефон в карман.

В руках у Гочи была корзина роз, и по холлу тут же поплыл цветочный запах.

– Во, гляди! Тебе! – подмигнул он и покрутил головой. – Тащи ведро, принцесса!

Алиса несколько раз растерянно моргнула и быстро зашептала:

– Гоча, ты только, пожалуйста, отцу не говори, что...

Когда за спиной парня появился отец, она осеклась и судорожно выдохнула.

– Здесь поставь, потом разберемся. – Бражников потер мясистый подбородок, разглядывая цветы, а затем усмехнулся собственным мыслям. – К себе иди, – велел он Алисе, а когда Гоча выполнил его приказ, позвал его за собой.

Алиса сделала вид, что поднимается, но через минуту вновь спустилась и замерла перед дверью.

– С кем она встречалась? – спросил отец.

Алиса до боли прикусила губу.

– С подружками. Все как обычно, Виктор Алексеевич, – услужливо доложил Гоча.

Она сглотнула, мысленно поблагодарив его за немногословие. Узнай отец, что вот уже несколько дней она ходит на вокзал, беды не миновать.

– Ладно... – Послышался звон бутылки о бокал, а за ним

шумные глотки.

– Только я тут заметил... – к ее ужасу продолжил Гоча.

Алиса приоткрыла рот и перестала дышать. В висках запульсировало, ладони моментально вспотели.

Гоча понизил голос. Его слова падали в ее сознание, будто тяжелые камни.

– ...тачка... номера московские... по виду окуроч*...

Наморщив лоб, Алиса потрясла головой, пытаясь понять, о чем речь.

– ...пока они там были, я глянул... никогда его раньше не видел... сидел там, бумажки какие-то рассматривал...

– Ладно, Гоча, иди. Я позову.

Алиса кинулась к лестнице и, едва не растянувшись на ней, понеслась к себе. Захлопнув дверь, прислонилась к ней и перевела сбившееся дыхание. Потом метнулась к окну, потому что услышала звук подъезжавшей машины. Из нее вышли трое мужчин. Она их знала, потому что они часто бывали в их доме. Этих людей с ее отцом связывали дела и совместный отдых, после которого отец заявлялся домой со стеклянными, налитыми кровью глазами, красным лицом и чужим запахом. По всей видимости, принадлежавшим одной из его любовниц.

Сколько их было на самом деле, Алиса не знала. Об этом, наверное, не знала даже мать. Впрочем, ей давно уже было наплевать на то, что происходит вокруг, а Алиса давно смирилась с этим обстоятельством.

О любви в их семье никто никогда не говорил. В доме работали чужие люди, четко и молча выполняя свои обязанности, так что им с матерью оставалось лишь просто принимать действительность и делать вид, что все хорошо. Со стороны, наверное, все так и выглядело. Алиса не раз слышала завистливый шепот за своей спиной еще когда училась в школе. Для Виктора Бражникова не существовало ничего невозможного. В рамках их города или дальше, об этом Алиса старалась не думать, потому тогда действительность становилась чернее некуда.

Спрашивается, о чем она думала, когда отправляла копии документов в университет? Надеялась, что все само разрулится, и отец, как выразилась Таня, погладит ее по головке? Один лишь раз она заикнулась о том, что хочет учиться, и что услышала в ответ? Об этом она тоже старалась не думать, потому что сказанное им до сих пор вызывало в ней жгучие слезы.

Собственность отца – вот она кто. Кукла, которую можно ломать.

Алиса набрала номер Тани. Подруга не отвечала, вероятно, занятая домашними делами, и тогда она отправила ей сообщение с просьбой перезвонить. Алиса почти сразу пожалела об этом, потому что не было никакого смысла рассказывать обо всем, что она услышала. Как только первое волнение улеглось и вернулась способность трезво мыслить, она прошлась по комнате взад-вперед, бубня себе под нос:

– Значит, Карапетян... Миша Карапетян...

Для того, чтобы увидеть свое обозримое будущее, ей не нужно было даже напрягаться. В конце концов она знала Мишу с первого класса, но вот представить его рядом с собой, тем более, в постели – как своего мужа – было совершенно невозможно. Алису даже передернуло от ощущения подступающей тошноты. Проскочила мысль позвонить бывшему однокласснику, но отмела ее. Если к ним в дом заявился его отец, то Мишиного мнения, как и ее, никто и спрашивать не станет.

Черт! Алиса вздрогнула, вспомнив, как на выпускном Миша Карапетян хвалился тем, что отец купил ему квартиру в Волгограде. Потому что хочет, чтобы его сын продолжил развивать их семейный цветочный бизнес. Может, где-то это и выглядело смешно, но только не у них в городе. Тот, у кого были деньги, мог позволить себе многое. Вот только она, при всем своем положении, была совершенно бесправна. Все оплачивал отец.

Алиса обвела глазами комнату, с ненавистью глядя на дорогие безделушки, которые пылились на полках, не принося ей никакой радости.

Она родилась в клетке, в ней и останется.

Хотя, если подумать, Волгоград далеко, и может, она сможет как-то договориться с Мишей Карапетяном, чтобы не усложнять друг другу жизнь?

Главное, вырваться отсюда.

Окурок* – чиновник, служащий (жарг.)

5 Андрей

Прикрыв глаза, Андрей томился в ожидании. Он не смотрел на часы, но ощущал каждую минуту – время, которое было ему не подвластно, и которое он должен был пережить перед неминуемой встречей с тем, кого ненавидел всей душой.

Рано или поздно это случится.

Если, конечно, он не допустил ошибки и сделал все правильно.

– Гребаная жара... – наконец выдохнул Андрей и облизал губы.

Кондиционер работал, но легче не становилось. Хотелось курить, что случалось с ним не так часто и доказывало лишь то, что для здоровья вредно не только переоценивать свои силы, но и давать волю эмоциям.

После вокзальной кафешки он оправился в пригород, где находились цеха по переработке сельхозпродукции и производства консервов, принадлежащие Бражникову. Молочный комбинат располагался южнее. Прогулявшись по территории вокруг КПП и постояв перед пустой Доской Почета, которая осталась еще с советских времен, Андрей сделал несколько пометок в блокноте, а затем сделал вид, что разговаривает по телефону.

Завершив двухчасовую прогулку и надышавшись тяже-

лым, насыщенном выбросами воздухом, он ввалился в гостиницу с бухающей болью в голове и звоном в ушах. Но в целом, Андрей остался доволен тем, как все прошло. Он успел пообщаться с уставшими после смены работницами с «молочки» и мужичками, курившими неподалеку от «консервы». Ничего нового он для себя не открыл, лишь еще больше убедился в том, что жизнь в Тимашаевске не была похожа на сказку, а Брага – на человека, готового улучшить этот мир. Собственно, все, чего он хотел, это максимально "доить" производство, не вкладывая в него ни одного лишнего рубля. Оборудование в цехах было старое, а зарплаты не повышались лет десять. Народ плевался и тихо ненавидел Бражникова, но при этом ходил на работу, потому что других вариантов устроиться в Тимашаевске практически не было. К тому же, тимашаевцы возделывали огороды и сады, ставили вино и разводили домашнюю живность, что делало их жизнь понятнее и сытнее. Не всем же в Москву рваться, в самом деле. Чай, не резиновая.

Андрей не сомневался, что Брага отстегивал средства нужным людям, чтобы сохранять не только видимость прибыльного предприятия, но и иметь возможность заключать договоры о переработке с теми, кто доверял их мнению. Рука руку моет, а Брага всегда умел вовремя подсутиться, чтобы выйти сухим из воды. Теряют те, кто пытается быть честным. Они проигрывают в борьбе за благополучие, потому что не могут поступиться своей честью и совестью.

"А я смогу, – усмехнулся Андрей, – потому что врага следует бить его же оружием. Особенно такого, как эта гнида Бражников".

И все же сейчас, сидя в кресле посреди номера и слушая гудение кондиционера, Андрей Ольховский все время сбивался с нужных мыслей. Как бы он ни старался сосредоточиться на главном, как бы ни не заставлял себя вновь и вновь просчитывать каждое свое слово и действие, перед его внутренним взором вставало лицо Алисы Бражниковой, и ее зеленые глаза буравили его, вызывая мурашки по всему телу.

– Это все от недотраха, – разозлился он. – Правило номер один: перед работой не пить. Номер два: хорошенько выспаться. И номер три: в одиночестве. – Андрей встал и подошел к окну. Одернув штору, поморщился от яркого света. – Но надо иногда делать себе поблажки, иначе одна голова перестает работать, а вторая пытается встать на ее место. – Он сделал несколько размашистых движений руками и пробурчал: – А нам такой футбол не нужен, дорогие товарищи.

Подхватив пиджак, он вышел из номера и спустился на ресепшен.

– У вас автомат с сигаретами есть? – спросил, брезгливо стряхивая с пиджака несуществующую пылинку.

– Добрый день! Нет, по законодательству мы не имеем права продавать табачные изделия. – Дежурная мило улыбнулась, но при этом бросила быстрый взгляд куда-то через его плечо.

Через мгновение Андрей почувствовал движение у себя за спиной. Напрягся, но оборачиваться не стал. По стене скользнула тень.

– Дмитрий Валентинович? Головастый? – вкрадчиво произнес мужской голос.

Не спеша, Андрей развернулся и принял соответствующий его положению вид: вздернул подбородок и приподнял левую бровь.

– А я смотрю: вы не вы... – К нему навстречу шел загорелый, совершенно лысый мужчина в темном пиджаке и голубой рубашке.

Андрей не ответил, продолжая разглядывать незнакомца и покручивая браслет часов.

– Вы меня, конечно, не помните, – мужчина протянул ладонь. – Гантемиров, городская администрация. – Он откашлялся. – Мы с вами пересекались в... – его взгляд метнулся в сначала в сторону, а затем уткнулся в переносицу Ольховского.

– В Москве? – сделал удивленное лицо Андрей и пожал вялую и холодную, похожую на выброшенную на берег рыбу, ладонь. – Вы были на приеме у... – он поднял палец вверх.

– Да, именно! – тут же подхватил Гантемиров, а затем прихватил Андрея за локоть. – Не ожидал вас здесь увидеть.

– Простите, не знаю вашего имени-отчества, – процедил Андрей, аккуратно высвобождая локоть.

– Да боже мой, Дмитрий Валентинович, можно просто по

фамилии! Какими судьбами к нам? Недвижимость присматриваете? Могу свести вас с начальником кадастровой палаты. – Гантемиров улыбнулся, но глаза его в этот момент цепко изучали Андрея.

– Нет-нет, у меня совершенно другие планы.

– Понятно! И как это вы мимо нас проскочили, не понимаю, – пробормотал Гантемиров. – Вы же знаете, как для нас важно и почетно принимать таких людей.

– Не надо преувеличивать, – отмахнулся Андрей. – К администрации Тимашаевска у меня нет никаких вопросов. Мой приезд сюда связан с... Впрочем, неважно.

– Мы вас просто так не отпустим, даже не надейтесь!

– Мы? – Андрей почувствовал холодок на затылке.

– Я и мои друзья. Так сказать, представители местного руководства.

Фраза получилась обтекаемая, но Андрей понял ее правильно. Да и руководство Тимашаевска в лице Гантемирова представлялось ему именно таким: с резиновой улыбкой на бледных узких губах и пронзительным взглядом, полным расчета и ледяного холода.

– Думаю, вечер в дружеском кругу, скажем, с бокалом хорошего коньяка, – это именно то, что необходимо после рабочего дня, – негромко произнес Гантемиров. – Когда вы уезжаете?

Андрей посмотрел на часы и сдвинул брови, изображая раздумье.

– Определенно завтра. Мне еще нужно заехать в Балашевскую, там животноводческая ферма, и мне хотелось бы... – он кашлянул. – Это рабочие моменты, не обращайтесь внимания.

Гантемиров поднял руки:

– Понимаю. Так как? Отужинаете с нами? Познакомитесь с хорошими людьми. Мало ли, пригодимся?

– Даже не знаю, – с сомнением в голосе протянул Андрей, – меня ведь это ни к чему не обязывает?

– Что вы, что вы! Воспринимайте все как дружеские посиделки, не более того.

– Ну хорошо, договорились. Скажите, куда подъехать.

– А я сам вас заберу.

– Нет, – голос Андрея прозвучал чуть резче, чем было необходимо. – Все же я предпочту свою машину.

– Конечно, – кивнул Гантемиров, – ваше право. Тогда, если вы не заняты, можем отправиться прямо сейчас. Мы как раз планировали немного развеяться после трудовых будней у Вити Бражникова. У него прекрасный дом и чудесная семья. И, знаете, руководитель он тоже замечательный. Вы, кстати, не были на его предприятиях?

– Нет, пока не довелось, – совершенно искренне соврал Андрей, тем самым добавив своей легенде нужный градус.

Ноздри Гантемирова затрепетали, на губах появилась едва заметная улыбка.

"Раскусил", – удовлетворенно подумал Андрей, а вслух

сказал:

– Дайте мне пять минут, я только захвачу документы и ключи от машины.

– Давайте, жду, Дмитрий Валентинович, – потер ладони Гантемиров.

"К вам едет ревизор, – усмехнулся про себя Андрей и, не спеша, направился к себе. Завернув к лестнице, остановился и прислушался.

– Да, согласился. Скоро будем. Не знаю! Вроде он...

6 Алиса

Алиса поскреблась в дверь материнской комнаты, из-за которой едва слышно звучали музыка и голоса.

– Мам, можно?

Внизу тоже играла музыка, раздавались шаги и мужской смех. Компания отца оккупировала гостиную, а значит, гости планировали быть в их доме до самого утра. С улицы уже тянуло дымком. Алиса знала, что Гоча еще с утра разделал баранье мясо на куски и порубил лук, чтобы потом залить все это минералкой. Охапки зелени, горка лимонов, свежие томаты и "синенькие" ждали своего часа. У нее еще теплилась надежда, что после обильного ужина отец уедет, но увидев в окно, как из багажника приехавшей машины достают коробки со спиртным, она лишь тяжело вздохнула.

Толкнув дверь, Алиса заглянула в комнату и повторила:

– Мам?

Работал большой телевизор. С экрана тягуче-томно доносилось любовное признание, от которого у Алисы скривились губы. Она терпеть не могла подобные сериалы, но мать, которая сейчас лежала на огромной кровати, не могла без них жить. Рядом с ней на столике стояли бутылка с красным вином и бокал со следами помады.

Ее матери еще не было тридцати восьми, и она все еще была красива. Но глядя на нее, Алиса понимала, что та сдала

свои позиции без боя более молодым соперницам. Не потому, что не могла бороться, а потому что не хотела. По сути, она была одной из многих, таких же любовниц отца, но она жила в его доме на правах хозяйки и гордилась своим статусом. Да, отец частенько напивался, но он и в трезвом виде мог наорать или ударить ее, однако мать терпеливо сносила его характер и не видела причин что-то менять. Зачем, если можно хорошо есть, сладко пить и ни о чем не думать? По крайней мере, сейчас, пока все это ей доступно. И если не мешать мужу, не перечить ему и не возмущаться, то и особых проблем не возникнет. Алиса прекрасно знала эту философию матери и наблюдала ее изо дня в день.

– Мам, мне спросить нужно, – Алиса вошла и прикрыла за собой дверь, поморщившись от сперттого, наполненного запахами вина и духов воздуха. – Ты меня слышишь?

Мать повернула голову и посмотрела на нее невидящим взглядом.

– Что? – спросила она заплетающимся языком.

– Такое дело, – Алиса села на край кровати и сложила руки на коленях. – Он сказал, что...

– Слушай, принеси мне еще бутылку, а? – мать махнула рукой в сторону двери и вновь уставилась в экран. На нем, судя по ее расширенным зрачкам, происходило что-то невероятно интересное и захватывающее.

– Он сегодня сказал, что... – Алиса смотрела на разгорающиеся по телевизору страсти и чувствовала, как ею овладе-

вает злость попеременно с отчаянием. – В общем, Карапетян приходил, отец Миши. Я с ним в одном классе училась. Ну, Карапетян, который... – она зажмурилась и перевела дыхание, – Огромный такой, волосатый... А Миша, он... такой же... в общем...

Алиса не понимала, зачем говорит об этом матери. Та ведь прекрасно знала друзей отца. В городе их все знали.

– Я просто думаю, как мне сказать ему, что я не хочу... что у меня совсем другие планы. Что это моя жизнь и вообще...

Мать потянулась к бутылке, чтобы вылить остатки в бокал, но та выскользнула из ее пальцев и упала, испачкав покрывало.

– Вот черт, – прошипела она и обернулась к Алисе. – Принеси еще.

– Мам, тебе, наверное, хватит, – покачала головой Алиса.

– Я сама решу, что и когда мне хватит!

– Тогда сама и иди! – разозлилась Алиса и вскочила. Когда она была уже у двери, рядом с ней грохнулась пустая бутылка. Она не разбилась, ударившись о ковер, но Алисе показалось, что ее осколки разлетелись в разные стороны, попутно исполозовав ее лицо и тело.

– Иди и принеси! – хрипло повторила ей в спину мать.

Алиса молча вышла и захлопнула за собой дверь. Пахло табаком. Во дворе лаяли сторожевые собаки. У ворот несколько раз просигналили.

"Еще кого-то черти принесли", – подумала она и подошла

к лестничным перилам.

– А вот и мы! – раздался голос Гантемирова.

Он появлялся в доме, пожалуй, даже чаще других. Был вежлив и предупредителен, но однажды Алиса видела, как он пьяный целился из пистолета в одну из их собак, пытаясь выиграть спор. Он его проиграл, пуля застряла в стене сарая, и тогда он швырнул на стол пачку денег, все еще порываясь сделать второй выстрел.

Их дом был похож на звериное логово, но другого у нее никогда не было.

Алиса присела на корточки, держась за резные балясины, чтобы стать как можно менее заметной. Она видела, как вошел Гантемиров, а следом за ним еще кто-то. Из-за спины Гантемирова она никак не могла разглядеть того, второго, но что-то в его фигуре показалось ей знакомым. Когда второй гость вышел из тени, она ахнула и, приблизив лицо, ударила лбом об опору.

Тот самый парень из кафе быстро оглядел пространство цепким взглядом, и Алиса могла бы поклясться, что в его глазах полыхнул холодный огонек. Такой же, какой она не раз замечала у своего отца. Быть может, виной тому это была игра света или ее возбужденное состояние, потому что, когда их взгляды пересеклись, кроме легкого пренебрежения с капелькой насмешки она ничего не увидела.

Щеки ее вспыхнули, а ладони вспотели. Видеть его в доме было странно и неправильно, но именно это и происходило.

Когда он и Гантемиров пересекли прихожую, Алиса услышала новое для себя имя.

– А вот и наш Дмитрий Валентинович! Прошу любить и жаловать! Завтра он у нас обратно в Москву собирается. Но собраться еще не значит уехать, правильно я говорю? Вам еще понравится у нас, остаться захотите!

7 Партия первая

"Дмитрий Валентинович, ну надо же!" – фыркнула Алиса и поднялась. Ее потряхивало и немного знобило, словно на улице царил не жара, а промозглая осень.

Она подошла к двери в конце коридора за лестницей и толкнула дверь. За ней находилась пустая комната с выходом на верхнюю террасу, которая располагалась как раз над гостиной. Дом был большой, с кучей хозяйственных построек во дворе, но все они запирались, да и Алиса не испытывала желания узнать, что в них находится. Себе дороже. Однажды, когда ей было лет десять, она сунулась в сарай, потому что услышала изнутри какой-то шум, но отец увидел ее из окна и окликнул. Просто окликнул, однако от его взгляда и звука голоса у Алисы затряслись поджилки. Прямо как сейчас.

Вообще-то это была ее оплошность. Не следовало поддаваться любопытству. Чувства и эмоции необходимо держать при себе, чтобы не попасться под горячую руку. Разговор с матерью не в счет: через полчаса-час она заснет в обнимку с бутылкой и не вспомнит о том, что Алиса вообще к ней заходила. В своих снах она, вероятно, будет видеть себя молодой, в объятиях какого-нибудь сериального героя.

Подумать только, ведь ее мать девятнадцать лет назад победила в областном конкурсе красоты! Где-то даже лежал

альбом с фотографиями, где она стоит на сцене с огромным букетом цветов и лентой победительницы, сверкая белозубой улыбкой и придерживая корону на голове.

Алиса вышла на террасу, но остановилась, прижавшись к стеклянной двери. Вытянув шею, она попыталась разглядеть сквозь окружающую по периметру невысокую перегородку, есть ли кто-то на площадке перед домом. На ней располагалась мангальная зона, и сизый ароматный дымок весело извивался сквозь ветки грушевых деревьев и щекотал ноздри.

Рисковать не хотелось, поэтому Алиса встала на четвереньки, пересекла террасу и легла на живот, привычно спрятавшись между стоек.

Гоча, в фартуке и обвязанной вокруг головы бандане, ловко насаживал куски мяса на шампуры и складывал их поверх таза, готовя к жарке. В большом чугунном мангале на витых ножках потрескивали вишневые и липовые чурки. В воздухе, словно бабочки, летали частицы пепла.

В носу опять защекотало, и Алиса едва успела зажать нос и рот ладонью, чтобы не чихнуть на весь двор. Глаза заслезились. Она выдержала паузу, но, кажется, никто не заметил ее присутствия.

Двери из гостиной на улицу были распахнуты. Алиса слышала голоса и пыталась определить, какой из них принадлежит новому гостю. Она не могла не думать о нем. Хотя бы потому, что никак не могла принять ситуацию, где он оказался гостем ее отца. От одной этой мысли у нее холод бежал

по телу.

"Если они будут играть, то все это закончится очень плохо"...

Она знала это наверняка. Нет, правильнее было бы сказать: чувствовала. Но в ее случае чувствовать и знать давно стали синонимами.

Сейчас Алиса чувствовала опасность. Как и тогда, в кафе. Если бы она только знала, что он решит прийти сюда, то сказала бы ему, что этого делать нельзя. Те слова, что она произнесла тогда, следовало бы трактовать совсем наоборот, но теперь... что ж, теперь она вряд ли может как-то помешать тому, что скоро произойдет.

Приподняв голову, Алиса вновь посмотрела вниз. Теперь Гоча стоял у тандыра и насаживал свиной окорок на крюк внутри печи. Кожа на его спине и плечах блестела от пота, отчего синие татуировки напоминали рисунок акварелью.

Вышел отец. Алиса стиснула рот и задержала дыхание.

Ему пятьдесят восемь, но он все еще крепок и силен. Иногда ее посещали ужасные мысли о том, что было бы, если бы его разбил паралич или настиг инсульт. Казалось, что с его образом жизни и той злостью, которая жила в нем, что-то вроде этого и должно было произойти, но не происходило. Это значило только одно – оставаться рядом с ним она больше не могла. Выйти замуж за Мишу Карапетяна теперь казалось ей уже не таким страшным испытанием. Все же может как-то устроиться со временем, лишь бы не здесь... не под

этим тяжелым душным куполом и надсмотром.

...Солнце клонилось к закату. Спину Алисы нещадно пекло сместившимися лучами. Но она продолжала лежать на бетонном полу террасы, слушая доносившиеся до нее обрывки фраз.

Музыку давно выключили. Сейчас внизу звучали привычные слова: прикуп, ставка, пас...

"Наверное, он бизнесмен, этот Дмитрий Валентинович... – копошилась в голове Алисы тревожная мысль. – Они отнимут у него все деньги. А он еще и должен им останется".

Алиса так много знала об этом, подслушивая исподтишка, что могла бы предсказать исход игры, стоя за закрытыми дверями. Но сегодня ее поразило то, что они привели свою "жертву" сюда, к ним домой, что, в общем-то, уже не играло никакой роли. Нужно быть полным идиотом, чтобы после проигрыша надеяться вернуть свои деньги. Возможно, с мелкими мошенниками этот номер и прошел бы, но когда игра идет по-крупному с подобными ее отцу и его компании людьми, шансов не остается. И никакая полиция не сможет этого изменить. А вот риск нарваться и в итоге сгинуть резко повышается.

Алиса сглотнула сухой ком и с силой зажмурилась. Почему, почему она думает об этом?!

Будто знает что-то такое, что может сделать ее жизнь еще чернее.

"Я не знаю... или знаю?"

– Алиса!

Голос отца, кажется, на мгновение вышиб из нее весь дух.

Вскинувшись, она поползла обратно через террасу и комнату, с трудом передвигая затекшие ноги. Повиснув на ручке двери, встала и выглянула наружу.

– Алиска, быстро сюда!

Она вдруг с ужасом поняла, что не переделалась в платье. Одно дело – гулять по городу в брюках, и совсем другое – показаться в них перед гостями. Но времени на переодевания уже не было, поэтому она стала спускаться по лестнице, обхватывая перила влажной ладонью.

"Скажу, что уснула..." – решила она, хотя понимала, что легче от этого не будет. Нет, он не станет ее бить, он просто запрет ее в комнате, как ненужную вещь на чердаке. До поры, до времени.

Алиса вошла в зал, не поднимая глаз. Ей не нужно было искать отца – тот всегда сидел в своем любимом кресле во главе стола. А ей очень хотелось увидеть того молодого человека, Дмитрия Валентиновича. И может даже предупредить об опасности, которая его подстерегает.

Глупо, конечно.

– Посуду поменяй, – приказал отец.

– Хорошо, – кивнула она и стала составлять на поднос грязную посуду, искоса поглядывая на разложенные на столе карты.

– Что, нравится? – вдруг произнес отец, обращаясь к ко-

му-то из мужчин.

Алиса двигалась вдоль стола, складывая вилки и ножи.

– Я постарше люблю.

Не удержавшись, Алиса бросила взгляд в сторону говорившего, чтобы убедиться в том, что не ошиблась. По обе стороны от него сидели Гантемиров и Карапетян-старший, так что этот Дмитрий Валентинович находился как раз напротив отца. Его ладонь лежала на картах, а сам он выглядел расслабленным и немного растерянным. То есть, совершенно не осознающим того, куда он попал.

Посреди стола – небрежно брошенные пачки банкнот. Играют по-крупному и останавливаться не собираются.

– Постарше?

Мужчины рассмеялись. Чтобы не дрожать, Алиса до боли прикусила язык.

– Засиделась девка, замуж пора, – утирая выступившие слезы, продолжил отец. – Учиться собралась! Коза... Кому нужна ученая баба? Тебе нужна? Или тебе? – он ткнул пальцем в каждого. – Баба должна уметь ноги раздвигать, когда скажут, и сосать с удовольствием!

– Вай, ну! – Карапетян опустил на столешницу крупную ладонь. – Не пугай девочку! Она со мной как роза в саду жить будет!

– Поливать только не забывай, – гнусно заржал Гантемиров.

Алиса застыла, не в силах осознать услышанное. Уши за-

ложило. В мозгу отчаянно запульсировало. Карапетян – вдовец, его жена умерла год назад!

– О, так у вас скоро свадьба? – негромко переспросил Дмитрий равнодушным голосом.

– Типа того. Ну что, продолжим?

Алиса попыталась сделать шаг, но поднос в ее руках предательски накренился. Она снова подняла глаза и посмотрела на Карапетяна. Мужчина с жадностью скользил по ее телу липким взглядом, и его толстые губы, вымазанные в бараньем жире, щерились, обнажая крупные зубы.

8 Партия вторая

Это только в фильмах и бульварных авантюрных романах герой всегда готов к встрече с неизвестностью. У него в кармане несколько тузов, а в голове – план, как избежать проблем и вовремя скрыться, не забыв прихватить выигранный куш.

На самом деле, любая схема требует долгой и основательной подготовки, внимания к возможным рискам и четкого выполнения каждого пункта. Если ты понимаешь, что что-то пошло не так, уходи. Найди любую причину, вплоть до поноса, но не геройствуй. Ибо та самая пресловутая чуйка, если, конечно, она у тебя вообще существует, никогда не обманывает.

Что я чувствовал в тот момент, когда подъехал в дому Браги? Ровным счетом ничего. И это показалось мне хорошим знаком.

Меня ничего не нервировало – ни цветные линзы, ни новая стрижка, ни костюм. Мне так часто приходится играть роли именно таких людей – из власти, чиновников, бизнесменов, богатых наследников и прочую «элиту», что я почти сросся с ними. Да, во мне умер великий актер.

«Покойся с миром!»

Быть Дмитрием Валентиновичем Головастым оказалось не так уж сложно. Его имя значилось в реестре Департамен-

та. В соцсетях – закрытые аккаунты, где молодой чиновник делился подробностями своей жизни с самыми близкими людьми в количестве пятидесяти трех человек. Разумеется, Котя вскрыл его профиль, как консервную банку, чтобы получить доступ к переписке и фривольным фоткам чиновника и его подружек. Как говорится, взял на карандаш. Такие, как Головастый, нам необходимы. Они нас кормят.

Подстраховка в виде марки автомобиля и госномеров, несколько якобы случайно заданных вопросов администратору отеля, прогулка на производство – перед каждым пунктом я мог поставить галочку, как и появлению в гостинице Гантемирова.

И даже когда я увидел на лестнице Алису, я все еще был уверен в том, что мой план ничто не может нарушить.

Изнутри дом Браги отделан лиственницей и дубом. Полы застелены узбекскими коврами, а с потолка свисает люстра с сотней хрустальных «сосулек». От этой стилевой абракадабры режет глаза, но я делаю вид, что поражен увиденным. Я действительно поражен, что скрывать! Картины, фарфор, каляны, барная стойка с выставленными напоказ бутылками дорогого алкоголя, клинки и морские кортики на стене, словно Брага имел какое-то отношение к флоту или армии.

Адмирал, твою мать...

Каждый из тех, кто сейчас меня окружает, всячески демонстрирует свое положение и достаток, будто тыкая: «Нас и здесь неплохо кормят! Мы – хозяева жизни, а ты, хоть и обличен кое-какой властью и возможностями, все же халдей, прислуга у вышестоящего начальства!»

Однако за этой самоуверенностью и бравадой легко можно разглядеть подозрительность, алчность и жажду еще большей власти.

Я протягиваю руку Бражникову и чувствую, как его взгляд практически снимает кожу с моего лица.

Что-то звериное проскальзывает в его зрачках.

Но московский чиновник Головастый этого не замечает.

– Наслышан об успехах местного агропрома. Вот решил, так сказать, познакомиться с отечественным производителем. Земля слухами полнится, а ваши комбинаты, оказывается, известны на всю Россию, Виктор Алексеевич, – важно заявляю я и кошусь на Гантемирова.

– Все самому приходится делать, – Брага дергает шеей, и непонятно, доволен он моими словами или нет. – Столько народу работает, зарплаты, то да се. Оборудование пора менять.

– Понимаю, – хмурюсь в ответ и отвожу взгляд, тем самым давая понять, что озабочен невозможностью говорить напрямую. – Существует программа помощи малому и среднему бизнесу. Хотя, как мне кажется, о ваших заводах говорят как о крупном, стремительно развивающемся бизнесе!

По лицу Бражникова проносится тень борьбы между тщеславием и жадной денег.

– Завидуют! Думают, я деньги лопатой гребу! С-суки... – добавляет вполголоса, а затем хлопает в ладоши и приглашает к столу, изображая радушного хозяина.

Пьют много, едят тоже. Хвалю баранину совершенно искренне, потому что мясо выше всяких похвал.

– Как насчет того, чтобы в картишки перекинуться? – вдруг задает вопрос Брага и опрокидывает в себя рюмку.

– В «дурака»? – переспрашиваю я, откладывая нож и вилку.

Брага ест руками. Закидывает куски в рот и перемалывает их крепкими челюстями.

– А вы шутник, Дмитрий Валентинович! – подхватывает Гантемиров. – В «дурака»!

– В покер, – негромко произносит Брага, осаживая смех Гантемирова. – На интерес.

– Да вы что, – отмахиваюсь я и ослабляю галстук. – С институтских времен не играл. Да и покер ли это был, уже не помню. Работа, командировки, работа. Выспаться-то некогда, а вы говорите, покер...

– А мы вас научим, – усмехается рядом со мной высокий мужик с внешностью волосатой гориллы.

«Карапетян» – услужливо подсказывает память.

– Надо уметь отдыхать, Дмитрий Валентинович, – поддакивает Гантемиров. – Сейчас еще двое наших подъедут и

можно начинать. Уверен, вам, как новичку, обязательно повезет! Давайте выпьем за знакомство!

Все кажутся такими довольными, что у меня сводит скулы и подрагивает уголок рта.

Я тоже доволен.

Только проблема в том, что я до сих пор не знаю, по какому пути они пойдут.

Первый вариант – они сделают все, чтобы я выиграл, получив таким образом взятку за возможность войти в программу помощи от государства.

Второй – захотят обыграть меня, тем самым заставив включить комбинаты Бражникова в качестве отступного.

На самом деле, вариантов гораздо больше, а времени мало. Поэтому Брага прет напролом.

В моем кармане включенный диктофон, который записывает наши разговоры.

– Завтра сам отвезу тебя на комбинат, – вальяжно заявляет Брага. – Посмотрим, пошепчемся. – Он говорит так уверенно, будто знает, что не услышит отказа.

Да, собственно, так и есть. Какой резон мне ему отказывать? Это именно то, что мне нужно. За тем я сюда и приехал.

Я выигрываю две партии, наблюдая, как они специально скидывают карты. Демонстрирую радость и азарт – это несложно. Они должны поверить в то, что столичный чинуша жаден до денег.

Ставки растут. Проигрыш дался мне с трудом: пришлось незаметно подменить карты в колоде. И это явно позабавило остальных игроков. Карапетян хмыкает, всем своим видом доказывая мою тупость.

Хотите напичкать меня деньгами, как свинью-копилку? Хорошо, будь по-вашему.

И все же, мне не нравится, как на меня смотрит Гантемиров. Он чаще других встает из-за стола и выходит из комнаты, якобы покурить. Но при этом не отрывается от телефона.

В карточном банке почти четыреста тысяч. А ведь все начиналось с пятихатки.

Время сжимается и теряется в клубах табачного дыма.

В какой-то момент Брага отвлекается и кричит:

– Алиса!

Непроизвольно вздрагиваю, когда слышу ее имя. Закатные лучи окрашивают все вокруг кроваво-красным цветом. Хрустальная люстра мерцает и покачивается, напоминая живое существо, что-то навроде медузы.

– Алиска, быстро сюда! – бушует Брага.

Его взгляд полон ярости и какого-то дикого огня. Дай ему волю, он бы убивал открыто. Мой отец как-то сказал: жив и ладно. Мог бы уже давно дождевых червей кормить.

Я с трудом разжимаю ладонь, потому что рискую раздавить стакан. Пытаюсь выровнять дыхание, но не могу. Когда Алиса появляется в комнате, у меня начинает плыть перед глазами. Откидываюсь на спинку кресла и просто смотрю на

нее.

Как и все остальные.

То, что я вижу и слышу через несколько минут, застаёт меня врасплох.

Ах, Алиса, как бы нам встретиться...

Где же твоя хваленая самоуверенность? Что же ты молчишь и не угрожаешь вызвать полицию? Наверное, понимаешь, что твоему отцу никакая местная полиция не указ. Никто не поедет в дом, где культурно отдыхает Бражников с компанией. В каждой избушке свои погремушки.

– Вай, ну! – Карапетян опускает на столешницу крупную ладонь. – Не пугай девочку! Она со мной как роза в саду жить будет!

– Поливать только не забывай, – ржет Гантемиров.

О чем это они?

– О, так у вас скоро свадьба? – переспрашиваю очевидную вещь.

Мне сложно описать свое состояние. Ощущение, что это не я открываю рот, а мой резиновый двойник, в голове которого лишь звенящая пустота, обсыпанная тальком.

Алиса молчит. Я не вижу никакой реакции.

Молчание ягнят, сука! Он же тебя почти трахнул, этот волосатый гоблин!

Глаза Бражникова – водянистые, прошитые красными тонкими нитями сосудов, полны торжества. Он выиграл.

Я проиграл.

Когда Алиса с подносом уходит, предлагаю сделать небольшой перерыв. Мне нужно выйти, освежиться, а заодно якобы забрать из машины забытый телефон. Мне действительно нужно убраться отсюда хоть ненадолго. В гостиной так накурено, что слезятся глаза и шумит в голове. А еще меня мутит, будто я напился воды из грязной сточной канавы.

Я пересекаю холл и вижу стоящую посреди большой кухни Алису. Она смотрит на меня распахнутыми и какими-то заледенелыми глазами и едва слышно произносит:

– Они не выпустят вас из города...

Сглатываю и иду на выход. Уличный воздух похож на душный саван. Мне хочется прорваться сквозь его теплую сладковатую марь, но он липнет ко мне, словно паучья сеть.

9 Стрит Флеш

Прежде чем выйти за ворота и подойти к своей машине, Андрей потянулся к карману в поисках сигарет. Их, разумеется, не было, и ладонь скользнула, задев лежавший там диктофон.

В металлической клетке-загоне бесновались крупные псы. Они не лаяли, но Андрей слышал их сиплое дыхание и ловил на себе свирепые взгляды.

Ворота были распахнуты. Дом Бражникова стоял особняком на пригорке, возвышаясь над остальными. Андрей подумал о том, что подобное соседство сродни наказанию. И действительно, свет в окнах ближних домов не горел, и были ли они жилыми, тоже оставалось неясно. С Браги стало бы расчистить под себя и свои нужды пару улиц, чтобы никто и носа не показывал в его вотчину.

"Умный человек сюда и не сунется..."

Багровый закат отражался в темных окнах, и казалось, что запертые внутри языки пламени лижут стекла, пытаясь вырваться наружу. Андрей сглотнул вязкий ком в горле и обернулся.

В окне второго этажа, куда не попадали закатные блики, он увидел бледное пятно человеческого лица. Женского лица, обрамленного спутанными волосами. Женщина смотрела на него, и от ее взгляда Андрей поежился, словно от ду-

новения морозного ветра.

Он сел в машину и вытер со лба выступившую испари-ну. Порывшись в бардачке, достал любовно приготовленный Мотей активированный уголь и закинул в рот еще три штуки, дополнительно к тем пяти, которые выпил перед тем, как ехать к Браге. Попытался сделать пару глотков из оставленной в салоне бутылки. Вода оказалась теплой, приторной, и не лезла в глотку.

Андрей несколько раз глубоко вздохнул, но сердце продолжало скакать как сумасшедшее с того самого момента, как Алиса Бражникова произнесла фразу: они не выпустят вас из города.

– Чушь. Не думай об этом, – приказал он сам себе и повернул голову, заметив движение.

От ворот к нему шел тот самый высокий парень, который сопровождал Алису и хозяйничал на уличной кухне. Гоча. Загорелые плечи и грудь в наступавших сумерках казались почти черными. Он уже снял клеенчатый фартук для мангала и теперь в его руке болталась серая трикотажная кофта с капюшоном, который, свесившись, доставал до земли.

Андрей подобрался, не зная, чего от него ожидать, но сердце наконец замедлило ход.

Тот постучал по стеклу согнутым, вымазанным в углях указательным пальцем. Когда стекло опустилось, Гоча оперся о его край.

– Я чего сказать хотел, – он цыкнул зубом и отправил пле-

вок метра за полтора от машины. – Заднее у вас подкачать надо.

– Что? – дернулся Андрей.

– Говорю, заднее колесо спустило. Немного, но... – для верности Гоча попинал колесо ногой, на несколько секунд пропав из поля видимости. – Опасно, сами понимаете. Мало ли.

– В смысле?

– В смысле, что козел какой подрежет, или на обгон пойдете, а тут это... – Гоча вновь появился у окна. – Насос есть? Я подкачаю.

– Насос, – Андрей набрал в рот воздух и "пополоскал" между щек. – Так, наверное, в багажнике.

Сейчас он почти любил Головастого. Вряд ли тот сам занимался своим авто.

– Номера красивые, – сказал Гоча, присев на корточки перед багажником и провел пальцами по черной семерке. – Новые совсем.

"Чтоб тебя, Мотя!" – мысленно огрызнулся Андрей, а вслух сказал:

– Недавно тачку купил. До этого другая была.

– Понятное дело, – криво усмехнулся Гоча и посмотрел на Андрея снизу вверх. – Потом надо все равно будет в шиномонтажку заехать. Мало ли...

– Конечно, – кивнул Андрей и передернул плечами, сгоняя по спине каплю пота.

Из багажника ощутило несло рыбой. Автокомпрессор, аптечка, бутылки со стеклоомывайкой и машинным маслом, а также запасная канистра с бензином произвели на Гочу хорошее впечатление. Все портил только запах.

– На рыбалку на ней ездите? – удивился парень и поджал губы.

А хрен его знает! Это была задача Моти – найти подходящий под описание автомобиль и оснастить его в дорогу, сварливо подумал Андрей.

– Было дело, – махнул он рукой. – Сначала ловили, потом пили. А когда вернулись, про рыбу забыли! – он рассмеялся так легко, что на лице Гочи тотчас появилась щербатая улыбка.

– Я тогда подкачаю и багажник открытым оставляю. Пусть проветрится, – решительно заявил Гоча и вытащил компрессор. – Вы отдыхайте! Хозяин ждет.

– Да я только за телефоном вышел, – ответил Андрей и зашагал обратно.

Алисы на кухне не оказалось. Он специально замедлил шаг и заглянул внутрь. Тихо шумела посудомойка. Ему почудились шаги на лестнице, но она оказалась пуста. Дверь в гостиную, где сидели Брага и его друзья, была прикрыта. Играла музыка. Андрей одернул себя за то, что думает о девушке вместо того, чтобы заниматься делом.

Алиса пусть занимается своей будущей свадьбой.

Злорадство внутри него напоминало вязкую горькую смо-

лу.

Демонстративно запнувшись о порог, Андрей ухватился за стену и под общий гогот ввалился в гостиную.

– А вот и я!

– Димон! – Гантемиров поднял рюмку. – Мы тебя заждались!

Брага не сводил с него глаз. Когда Андрей плюхнулся в кресло, он подался вперед, вглядываясь в его лицо. Затем протянул руку и сдвинул лежавшие на столе деньги в его сторону.

Андрей выпил и приподнял бровь.

– Сколько ты хочешь? – хрипло спросил Бражников.

Андрей икнул и обвел сидящих пьяным взглядом.

– А девочки будут?

Гантемиров сгреб несколько купюр и поднес их к носу Андрея:

– Ты на них гарем себе снимешь.

– Сниму, – не стал спорить Андрей.

– Это тебе сейчас, а остальное потом, – едва ворочая языком, сказал Гантемиров.

– Не-не, – вытянул вверх палец Андрей. – Меня не поймут. Там.

– Сколько? – прошипел Брага.

– Лям, – вздохнул Андрей и взялся за бутылку.

– Лям так лям, – развел руками Гантемиров.

– И потом еще лям, – хрюкнул Андрей.

– Головастый нам попался партнер, – влез Карапетян. Пытаясь сфокусировать взгляд на Андрее, он придвинулся к нему ближе. – А мне можешь так?

– Как? – Андрей поднес к его рюмке свою.

– Так же. Красиво.

– Могу, – хмыкнул в ответ.

– Вот и договорились, – довольно откинулся в кресле Брага. – Ты мне только бумажку одну подпиши.

– Легко!

После того, как Андрей поставил подпись, гулянка продолжилась. Теперь он лишь создавал видимость того, что пьет наравне с другими.

На следующий день он должен был снова встретиться с Бражниковым, но уже один на один, и был уверен в том, что эта встреча даст ему еще больше. Не денег, нет, ему нужны были факты. Все, что могло поспособствовать тому, чтобы избавить мир от этой сволочи.

Через полтора часа он вышел и, шатаясь, направился к машине. Его догнал Гантемиров и практически повис у него на плече.

– Ты забыл, Димон, – захихикал он, обдавая Андрея алкогольными парами. – Это твое! – стал распахивать по карманам Андрея деньги. – Доберешься?

– А то, – похлопал его по спине Андрей. – Тут же рядом.

– Тут все рядом! – согласился Гантемиров. – А девочку ты в гостинице закажи. Любую, какая понравится. Они все

сделают как надо. Я пре... предупредил... Хотя, я сам тебе подарю!

– Да ладно?... – расплылся в пьяной улыбке Андрей.

– Для тебя самую лучшую! – осклабился Гантемиров и, шатаясь, побрел обратно.

Андрей сел в машину и перевел дыхание.

Город утопал в ночи, но по обе стороны дороги от дома Бражникова горели фонари.

Андрей посмотрел в окно заднего вида и подумал о том, что Гоча забыл о своем обещании и все-таки закрыл багажник. Теперь рыбой воняло даже в салоне.

10 Насос

Фары разрывают ночную улицу. Дорогу перебегают черная кошка, но вдруг останавливается, сверкнув желтыми глазами.

– Твою же!.. Гребаный экибастуз!

Тормоза взвизгивают, машину чуть заносит. Кошка скрывается в кустах.

Да, Гоча прав, здоровые шины – залог долголетия. Моего в данном случае.

В голове гудит и продолжает долбить музыка, превращая мой мозг в пыльный мешок.

Отель на Ярморочной – единственная приличная гостиница в городе, судя по отзывам. Понятно, что и она находится под неусыпным вниманием местной власти. Интересно, как тут у них вообще поделена территория. Что кому принадлежит, и кто кому платит оброк? Лично мне на это плевать с высокой колокольни, но тем, кому я в итоге передам информацию по Браге, возможно, даже будут мне благодарны. В данном случае я даже не Робин Гуд, а сознательный гражданин своей страны. А это значит, что у меня нет ни малейшего желания целоваться в десны с государственной машиной. Пусть сами разбираются и делят активы. Свое я возьму и делиться не намерен.

Никогда и ничего не проси у сильных мира сего... Вот уж

точно! Придут, и сами все выложат на блюдечке с голубой каемочкой. Хочет Карапетян поучаствовать, вэлкам. За ним подтянутся и другие. Вот так-то, Алиса, ты еще замуж не вышла, а я уже влез в твой семейный бюджет.

Что же так душно-то?

Алиса... Чертова кукла из чертовой норы. А я безумный, мать его, шляпник!

У входа в гостиницу горят фонари. Почти все окна темны, свет лишь в гостиничном холле. Но никакого движения нет. Скорее всего, дежурная спит в подсобке. Кого им здесь бояться, кроме кошек?

Ставлю машину и выхожу. Четвертый час! Брюхо полное, будто набито камнями. Веки отяжелели и набрякли, в глазах песок. Как бы сказал Котя: укатали Дюху крутые горки. Один такой вечер потом придется отрабатывать неделю в спортзале.

Спать! Срочно литр воды, энтеросгель и в койку! Как в пионерском лагере. А завтра снова в бой.

Андрей потянулся и широко зевнул. Сделав два шага в направлении гостиницы, внезапно остановился и прислушался. На забетонированной площадке, кроме его автомобиля, находились еще два, но они стояли поодаль, занимая места под раскидистой кроной южного дерева. А явственный шорох послышался где-то совсем рядом.

"Кошка?" – Андрей обвел взглядом пространство и потряс головой, прогоняя навалившуюся усталость. Что-то

внутри него тоненько завибрировало, заставив сосредоточиться. Несколько минут он вслушивался в окружающую его ночь. Шелестели листья, стрекотали цикады, вдалеке лаяла собака. Тревожное чувство не покидало.

Мысль о том, что за ним могли следить, добавила негатива в и без того тревожное состояние. Андрей вернулся и решил перегнать автомобиль к другим двум, чтобы утопить большую часть корпуса в тени. Утреннее солнце жадное и моментально нагреет машину, потребуется больше времени, чтобы кондиционер справился с жарой. А время, как известно, самая дорогая валюта.

Ткнувшись задними колесами в бордюр, Андрей чертыхнулся. Как там этот Гоча еще колесо накачал, пес его знает! И вообще, следовало проверить наличие насоса. Так, на всякий случай.

За активными действиями сонливость несколько притупилась, лишь глаза чесались, требуя вытащить линзы.

Крыша багажника мягко поднялась. Андрей замер, вглядываясь в его нутро, а затем дернулся и на автомате снова нажал на кнопку запора. Пока крыша опускалась, он стоял, забыв выдохнуть, и смотрел на Алису Бражникову.

– Твою же мать! – успеваю сказать, прежде чем крыша "мерседеса" опускается на мою макушку. Клацнув зубами,

приподнимаю ее обратно и чувствую такую растерянность, что повторяю: – Ёп...

Алиса молчит и беззвучно шевелит губами, выпучив глаза. Окутанная затхлым рыбьим запахом, она и сама напоминает выброшенную на берег рыбу. Так себе сравнение, конечно, но... Какого хрена?!

Я хватаюсь за ее плечи и пытаюсь вытянуть ее из багажника. Но она упирается, отчего мы оба пыхтим в молчаливой борьбе еще какое-то время. Со стороны, надо полагать, я выгляжу как герой фильма ужасов – что-то пытается заткнуть меня в недра автомобиля, а я отчаянно сопротивляюсь. Все дело в том, что Алиса не отталкивает меня, а наоборот, цепляется за меня. Ее волосы путаются у меня между пальцами, а лицо так близко, что пару раз я почти касаюсь ее кожи своими губами.

– Черт! – отстраняюсь и шумно выдыхаю.

В свете гостиничных фонарей мечутся ночные мотыльки. Они бьются о стекло, и сухой шелкающий звук отдается в ушах, словно выстрелы.

У меня рябит в глазах и путаются мысли.

Алиса тяжело дышит. Наконец садится и со стоном протягивает дрожащие руки.

– Дмитрий Валентинович...

Не сразу соображаю, что она обращается ко мне. Потом оглядываюсь по сторонам. Я жду подвоха. И, блядь, жопой чувствую, что это именно он.

– Какого хрена ты здесь делаешь?

Мне сейчас плевать на образ Головастого. Уверен, настоящий Дмитрий Валентинович уже обосрался бы, найдя в своей машине дочь Браги.

Черт, черт! Надо выдохнуть и просто отправить ее обратно.

– Пожалуйста, – шепчет девчонка и смотрит своими глазами прямо мне в душу.

Нет у меня никакой души!

– Мне нужно поговорить с вами!

О да, все самые поганые истории начинаются именно с этого – а поговорить?

– Если ты про то, что они не выпустят меня из города, то, как видишь, это совсем не так, – усмехаюсь я. – Мне ничто не мешает уехать прямо сейчас.

Ее лицо проясняется. Только что оно было мертвенно-бледным, и вот – губы порозовели, а грудь вздымается...

– Все, – поднимаю руки, останавливая свои мысли. – Тебе пора. И мне пора.

Одним движением выдергиваю ее из багажника, словно репку из грядки, и разглаживаю на ее плечах мятую одежду. Потом понимаю, что на ней та самая трикотажная длинная майка с капюшоном, которую я видел в руках Гочи. Она грязная и воняет, а шея Алисы выглядывает из нее тонким цветочным стеблем.

Грудину стягивает ржавой колючей проволокой. Алиса

отшатывается, наконец распознав в потемках выражение моего лица.

Я захопываю багажник и иду к гостинице. В висках гремят африканские тамтамы, земля плавится под ногами.

– Вы не тот... – доносит до меня непонятно откуда взявшийся поток ветра.

– Что? – я останавливаюсь и сглатываю.

– Вы не тот, за кого себя выдаете... – ее слова летят в меня сквозь плотный воздух, будто острые стрелы. И каждая достигает своей цели.

Алиса стоит под деревом, сливается с темнотой, и только зыбкое пятно с очертаниями ее скул и подбородка колышется на уровне моих глаз. Капюшон скрывает волосы, в длинных рукавах прячутся кисти рук.

Мне нужно принять решение. Сейчас. У меня нет времени. Я не могу позволить какой-то девчонке испортить то, что уже разогналось и несется, будто машина без тормозов.

– Алиса?... – Мой голос кажется непозволительно громким во вдруг повисшей вокруг тишине. Только что ночь была наполнена посторонними звуками, которые я мог контролировать, и вдруг эта тишина, словно уши забило ватой.

Я приближаюсь к ней, полный желаний... черт! Во мне борется столько всего – и внезапный, похожий на вскрик ужаса страх разоблачения, и разлившаяся по венам волна ненависти, и, как бы странно это не звучало, сексуальное возбуждение. Каждый раз в подобном случае вспоминаю о том, что

все страхи – это всего лишь плод моего воображения.

– Чего ты хочешь?

Не понимаю, произношу ли я эти слова вслух или только посылаю мысленный вопрос, потому что мой рот мгновенно пересох, как русло древней реки, однако Алиса приближается ко мне неслышными шагами, будто плывя по воздуху.

– Мне нужна ваша помощь.

Вот как? Помощь? О чем это она?

Схватив за тонкое запястье, тащу ее к гостинице. Нам нужно поговорить, но не здесь. Не хочу даже думать о правильности своего решения. Если она привела за собой слежку, то им придется разбираться с ней. Я не собираюсь рассыпаться в просьбах держать ее подозрения при себе. Ничего она не знает! Но я должен знать, что Алиса хочет взамен за свое молчание, что бы она там ни напридумывала.

– Поднимешься на второй этаж и будешь ждать меня там, поняла? Быстро, чтобы никто тебя не видел!

– Хорошо... – выдыхает она, непроизвольно или специально прижимаясь к моему плечу.

В холле никого нет. Я пихаю Алису в направлении лестницы, не забываясь о том, что причиняю ей боль, а сам иду к стойке регистрации. Дверь в служебное помещение приоткрыта, оттуда доносится звук телевизора. Бросаю взгляд в окно, но за темным стеклом невозможно разглядеть, есть ли кто снаружи. В светлом пятне от фонарей – все те же мотыльки, серебристые трупики которых, словно лепестки, усыпали

асфальт перед входом.

Андрею показалось, что он все еще слышит дыхание Алисы за своей спиной. Но ее уже не было. Если она поднялась по лестнице, то сделала это бесшумно, чем удивила его. Не то чтобы он ожидал шарканья или топота с ее стороны, но вот эта ее готовность подчиниться приказу несколько озадачивала.

Стараясь не наделать шума, Андрей двинулся следом за ней, но в этот момент его окликнули. Вместо дневной дежурной из-за двери выглянула женщина средних лет с высоким пучком и густо накрашенным лицом. В искусственном свете оно походило на маску, а улыбка – на оскал какого-то потустороннего существа.

– Ой, а я не слышала, как вы пришли! Вы же Головастый?

Андрей качнулся, изображая пьяного, и хмыкнул в ответ.

– Фамилия у вас какая интересная, – женщина моргнула слипшимися от туши ресницами. – Тут вам подарок просили передать... Товарищ Гантемиров звонил.

Андрей отмахнулся и, растягивая слова, промычал:

– Ф-фсё... я спать...

– А как же...

"Подарок, ага, – усмехнулся он про себя. – Я еще из ума не выжил, чтобы подарки от товарища Гантемирова прини-

мать..."

Пошатываясь и едва сдерживаясь от желания припустить быстрее, Андрей наконец завернул к лестнице и уже там, перепрыгивая через три ступеньки, за несколько секунд оказался на втором этаже. Длинная ковровая дорожка скрывала шум его шагов, неяркий свет ламп струился по темным стенам.

Алисы в коридоре не оказалось.

– Я здесь.

От ее шепота у Андрея волосы по всему телу встали дыбом.

– Черт...

Она сидела на корточках прямо за коридорной дверью.

– Иди за мной, – приказал он, на ходу вынимая ключ. Щелчок, и вот они оба уже внутри его номера.

Закрыв дверь, Андрей запер ее, прижимая Алису плечом и не давая ей отойти в сторону. Кто знает, что она сделает в следующую минуту?

– Теперь иди в комнату.

От одежды Алисы воняло костром и чужим мужиком, но даже сквозь этот мерзкий запах можно было уловить легкие нотки аромата ее кожи и волос.

"Вранье. Чушь. Нервы!" – решил Андрей и обернулся.

Алиса стояла в темноте, но мрак за окном постепенно рассеивался, отчего ее фигура становилась все заметнее.

– Итак, – негромко произнес он и стянул надоевший пи-

джак. – Поговорим?

Кажется, она кивнула.

– Давай с самого начала. Чего ты хочешь, Алиса? – Андрей подошел ближе, испытывая странную смесь азарта и недоверия.

– Я...

В этот момент в дверь тихонько поскреблись. Андрей приставил палец к губам и знаком указал Алисе на ванную комнату. Она послушно бросилась к ней, издав при этом то ли вздох, то ли всхлип.

– Кто? – он вернулся и взялся за дверную ручку.

– Я к вам, – промурлыкал за дверью низкий женский голос.

Андрей открыл и пьяно улыбнулся:

– Красавица, а вы не ошиблись номером?

– Нет-нет!

Перед ним стояла невысокая брюнетка с боевым раскрасом, в обтягивающем коротком платье с глубоким декольте.

– Я ваш подарок, – с придыханием прошептала она, напирая на Андрея грудью пятого размера.

– Ночной портье? – хихикнул он.

– Кто? – удивилась она. – Не, я Люба. Любовь. Ну, понимаете? – она многозначительно выгнула бровь.

– Ах, Люба... – Андрей не без интереса оглядел ее с ног до головы и остановил взгляд на неестественно полных губах.

– Не ожидала, что ты такой симпатичный, – положила она

ладонь на его грудь.

– Я симпатичный, да, – икнул Андрей. – Только поздно уже, голова ничего не соображает.

– А при чем здесь голова? Голова в этом деле лишняя.

Андрей шумно выдохнул, когда ее ладонь переместилась на его ширинку.

– Боже, да ты меня ждал, шалунишка!

– Как-то даже неприлично поминать бога в данном контексте, – выдал в ответ на это Андрей. – Но будем считать, что он нас не слышит.

"Выгнать ее у меня не получится. Это может привлечь ненужное внимание. Сам же хотел девочек, придурок! Переиграл малость. Ну не мальчиков же мне было просить? Еще эта чертова Алиса в ванной! Если бы не она, мог бы сделать вид, что уже сплю!"

– Что-то мне кажется, у меня ничего не получится... – горестно вздохнул он. – Устал как собака.

– Просто расслабься, я все сделаю сама, – проворковала Люба и толкнула его на кровать. Стянув тонкие бретельки с плеч, она опустила платье ниже и приподняла тяжелые груди.

– Кхм... мой любимый размер, – скрипнул зубами Андрей. – Крышесносно!

– Вот увидишь, все у нас получится. – опустилась она на колени и вцепилась в его брючный ремень.

"Интересно, на сколько ее хватит? – подумал Андрей и,

падая на спину и закидывая руки за голову. – Откуда Гантемирову было знать, что такая грудь, как у этой мадам, вызывает во мне лишь мысли о коровниках и доярках? Люба, Люба, тебя я не забуду... Спасибо тебе, родная, что выглядишь именно так, а не как..."

Горячая женская ладонь тем временем пыталась пробраться в его брюки. И совершенно некстати перед внутренним взором Андрея возникло лицо Алисы, а по телу прошла волна желания, что не осталось незамеченным для той, что сидела у него между ног.

– Люб, а может, выпьем для начала, а? – задергался Андрей. – Мне срочно надо дозаправиться. Ничего не получается!

Ради того, чтобы убедить ночную бабочку в сексуальном бессилии, Андрей готов был пустить пьяные слюни. Он заворочался и сел.

– Это у меня-то не получится? – причмокнула губами девушка. – И не таких поднимала! Знаешь, как меня называют? – доверительно поведала она, рывком распахивая его рубашку. – Люба – насос!

– Как?.. – совершенно по-свински хрюкнул Андрей, а затем вдруг заржал. – Насос? Насос?!

Он продолжал хохотать, пока девушка не вернула платье на место и не скривилась, прищурив глаза:

– Так бы и сказал, что обкуренный!

– Люба... – простонал Андрей. – Люба! – Новый виток

смеха заставил его сложиться пополам. – Прости, не могу!
Я сейчас сдохну!

– Я уже заметила, – она обиженно поджала губы. – Зря только вставала, спала бы себе дома.

– Люба, прости, – Андрей прижал руку к груди. – Я все компенсирую! – не прерывая стонов и всхлипов, он достал из кармана пиджака несколько купюр и сунул их обиженной девушке. – Ты только никому не говори, что я... ну это...

– Да что я, не человек, что ли, – подобрела она и спрятала деньги в недрах декольте. – Только и ты тогда... ну, это... отзыв хороший оставь.

– Где? На сайте автомобильных запчастей? – почти прорыдал Андрей.

Люба прыснула и передернула плечами:

– Слушай, а ты ничего. Жаль, что не потрахались как нормальные люди.

– Жаль, Люба! Вот прямо от души жаль! Давай в другой раз?

– А давай! Я тебе скидку сделаю. Только ты всякую дрянь перед этим не кури, ладно?

– Обещаю, Люба!

– Ладно, спокойной ночи, весельчак! – вздохнула она и вышла из номера.

Андрей закрыл за ней дверь и повернул ключ. Улыбка тотчас сползла с его лица.

– Да я тут у вас нарасхват, – пробормотал Андрей и щелкнул выключателем в ванной. Яркий свет ослепил и без того уставшие глаза. Он зажмурился на мгновение, а затем взглянул на Алису.

Она сидела, прислонившись к сливному бачку и поставив одну ногу на край опущенной крышки унитаза.

– Картина Репина "Приплыли"? – Андрей криво усмехнулся и прикрыл дверь.

– Нет такой картины, – ответила Алиса и вздохнула.

– Что?

– Я говорю, картины такой нет. То есть она есть, но написал ее совсем другой художник. И называется она "Не туда заехали".

– Да мне как-то плевать, знаешь ли! Меня другое беспокоит. – Андрей склонился перед ней, уперевшись ладонями в колени.

– А вас должно беспокоить именно это. Потому что вы не туда заехали, Дмитрий... Валентинович.

– Послушай, девочка... – разозлился Андрей, но не успел договорить, потому что Алиса вдруг схватила его за галстук и притянула к себе. Так близко, что расширились зрачки ее зеленых глаз.

– Она все расскажет.

– Кто?

– Люба. – Алиса продолжала пристально смотреть на него. Но Андрея впечатлил не столько ее взгляд, сколько голос. В нем не было и тени страха или смущения. Сейчас Алиса опять была той, которую он встретил в привокзальном кафе. – Она с шестнадцати лет... у нее ребенок и...

– Я повторяю, мне плевать, что там у нее. Ты сама видела, что между нами ничего не было. Вообще-то я не сплю с проститутками, – сказал он так ровно, словно это было правдой. Ну не объяснять же ей, с кем на самом деле он спит и что отличает профессионалок от местечковых шлюх. – Кстати Люба была очень убедительна. И если бы не ты...

– Вы не поняли. Люба не виновата. Ей приходится этим заниматься. Ее изнасиловали, когда она еще в школе училась.

Андрей вытащил галстук из тонких пальцев Алисы и разогнулся.

– Она работает на Гантемирова, – продолжила девушка. Опустив ногу, она сложила руки на коленях и отвела глаза.

– Это я уже понял. Но для меня это лишняя информация.

– Вы ошибаетесь, – Алиса встала, включила воду в раковине, но руки мыть не стала. Развернулась к нему и продолжила срывающимся шепотом: – Он ее подкладывает под особо важных людей. Ей деваться некуда. Мать больная, отец пьет.

Андрей потрянул головой и потер переносицу.

– Подожди, сейчас не об этом. Ты зачем в мою машину залезла?

– Да, – кивнула Алиса, – я залезла. Потому что мне нужно уехать из города как можно быстрее. И если мы поторопимся, то...

– Не-не-не, – остановил ее Андрей. – Мы так не договаривались! У меня дела. Между прочим, с твоим отцом. А у тебя жених, свадьба и долгая счастливая семейная жизнь!

Он произнес все это веселой скороговоркой, наблюдая, как с ее лица сползает решительность и бравада. Необходимо было вывести ее на прямой разговор, но не о какой-то Любе, а о том, что Алиса имела в виду на стоянке.

Однако Алиса повела себя странно. С минуту она молчала, затем аккуратно закрутила кран и шагнула к двери.

– Кажется, я ошиблась насчет вас... Извините, я пойду.

Андрей озадаченно посторонился, но в последний момент почти ласково приобнял ее за плечо.

– То есть, как это пойду? Ты мне секс-вечеринку испортила, наговорила всякого... По-твоему, это нормально? И кстати, что твой жених скажет, когда узнает, что ты была в номере у одинокого мужчины?

– Раз уж мы перешли на ты... – Алиса сглотнула, тонкая голубая венка на ее шее стала отчетливее. Андрей проследил за ее движением и перевел взгляд на подрагивающие ресницы. – Уезжай! Это все, что я могу тебе сказать. Они не отстанут. Они никогда никого не отпускают. И еще, – она по-

вернула к нему лицо, – я правда думала, что ты другой.

– Зачем ты мне про эту Любу сказала? Ну, допустим, она работает под Гантемировым, и что?

– Ничего, – легко улыбнулась Алиса. – Кроме того, что это он ее изнасиловал. Она хотела отвязаться от него. Замуж вышла, ребенка родила. А потом ее муж повесился. Говорят, по пьянке. Как-то так, в общем...

– А ты откуда знаешь? Хотя, чего я спрашиваю... в вашем городе, наверное, все про всех знают, – не очень уверенно сказал Андрей.

У него возникло стойкое ощущение, что воздух в маленькой ванной вдруг сгустился, будто в парилке, и сразу стало трудно дышать.

– Знают, но молчат. И будут молчать дальше. Что толку говорить?

Ее вопрос застал его врасплох, как и ее взгляд. Он стал другим – глубоким и тяжелым, похожим на речной омут. Поверхность его была затянута болотной ряской, которая подрагивала от движения воды, и казалось, что нет под ней ничего страшного. Но стоило подойти ближе, как тебя начинало затягивать, и противиться этому было бессмысленно.

– Но с тобой-то ведь ничего подобного произойти не может? – спросил он. – Твой отец никогда не допустит, чтобы кто-то покусился на твою честь.

В лице Алисы опять что-то изменилось. Мимолетная тень, и губы ее сомкнулись в прямую линию, а подбородок

поднялся выше.

– Мне кажется, мы говорим на разных языках. Глупо получилось, – едко заметила она.

– Глупо? – съязвил Андрей. – Ты залезла в багажник, чтобы что?

– Чтобы уехать отсюда! Неужели непонятно? – трянула она волосами.

И тут в его голове сложилась отчетливая картинка того, что происходит, и как ему следует поступить. Все оказалось так просто, что даже не верилось. В его руках сейчас находилась не девушка, а шкатулка с секретом. За привлекательной внешностью пряталась другая Алиса. Ее Страна Чудес носила гордое название Тимашаевска и была полна грязных тайн, за которыми ему пришлось бы лезть в узкую нору и рисковать собственной жизнью. А она предлагала ему все это даром. Разве можно было отказаться от этого подарка? Оставалось лишь подобрать ключик.

– Видишь ли, Алиса, я обещал твоему отцу, что поеду с ним завтра утром... то есть, сегодня, на комбинат, – озабоченно возразил Андрей.

– Если я вернусь, то уже не смогу выбраться, – с болью в голосе прошептала Алиса. – Вам проще. Я слышала, как Гантемиров звонил кому-то в Москву, спрашивал о вас. – Она опять перешла на вы, но сделала это неосознанно, задумчиво глядя в одну точку. – Поэтому вы можете перенести встречу или приехать потом. – Ее тело вдруг прошила нерв-

ная дрожь. – Говорю же, они не отстанут. Так что, если вы рассчитываете продолжать иметь с ними дело, то... Я понимаю, деньги значат очень много, но не могу предложить вам ничего взамен.

Андрей промолчал. У него были причины, чтобы согласиться, и в то же время, что-то внутри него отчаянно сопротивлялось этому. Потому что она стояла рядом, со сбившимися волосами, без грамма косметики, с этими острыми ключицами и хриплым голосом.

– У меня нет денег, чтобы я могла... И я никогда не работала.

От частого дыхания скулы ее порозовели.

– Допустим, я бы мог предложить тебе... – Андрей оборвал фразу, потому что слова встали комом в горле. В ее глазах он не видел того, что обычно наблюдал у тех, кто зарабатывал продажной любовью. Ему было бы проще, если бы он уловил хоть намек, но Алиса, эта чертова кукла, стояла и ждала от него того же, что и он.

Кто-то должен был сделать первый ход.

И, кажется, она готовилась вступить в игру, ожидая, когда он огласит правила.

Однако играя в подобные игры, Андрей всего лишь представлял шахматные фигуры.

А с таким игроком, как Алиса, партия обещала быть волнующей, но, вероятнее всего, довольно примитивной. Поэтому ему очень захотелось добавить хоть немного приятно-

го возбуждения и нервной щекотки, прежде чем смахнуть надоевшие фигуры с доски.

– Ты ставишь меня перед очень трудным выбором, Алиса, – глухо сказал Андрей и покачал головой. – Даже не знаю, смогу ли я возместить те потери, которые понесу, решив оказать тебе эту услугу. К тому же, возможно, ты и сама не представляешь, на что подписываешься.

Все это можно было отнести и к нему самому, но стоило ли заикливаться на этом? По ходу пьесы все встанет на свои места. Главное, выдержать ритм и отыграть грандиозный финал.

Решение следовало принимать сию же минуту, а они так и продолжали стоять и смотреть друг на друга, будто в немом ожидании соизволения свыше. В их взглядах читалось недоверие, свойственное незнакомым людям, и в то же время Андрей отчетливо ощущал нарастающее внутри возбуждение и желание узнать Алису лучше. Похоже, и ей хотелось того же.

И это было неправильно.

Что чувствовала сама Алиса Бражникова, его не особо волновало. Но вот ее глаза, чуть приоткрытые губы и алеющие пятна на скулах говорили о многом. К своим 28 годам Андрей научился достаточно хорошо читать людей. Это являлось важной составляющей его образа жизни. И этому следовало постоянно учиться и совершенствоваться, чтобы не проколоться ни по-крупному, ни, тем более, в мелочах.

Любой обман строится прежде всего на знании психологии и умении манипулировать.

Он молчал еще некоторое время, разглядывая стоявшую рядом девушку. Она сильно нервничала, бездумно впиваясь ногтями в собственное запястье. Вероятно, это причиняло ей довольно сильную боль, но она будто не замечала ее. Значит, выбранная ею цель значила для нее гораздо больше любых доводов разума и чувства самосохранения.

Алиса Бражникова, провинциальная "принцесса", выросшая в семье его врага, не должна была вызывать в нем абсолютно никаких положительных эмоций. Все, что он сейчас "переваривал" в себе, являлось лишь обычной мужской составляющей, животной стороной, которую тоже следовало держать в узде, как бы ни хотелось выпустить ее наружу.

Алиса была как раз в его вкусе, и это мешало. Невысокая, стройная и наверняка гибкая, судя по ее плавным движениям. К светлым, выгоревшим на солнце, а не полученным в парикмахерской локонам прилагались опущенные темными ресницами глаза. И именно они творили с его сознанием ужасные вещи, заставляя признавать очевидное – желание мести должно превалировать надо всеми остальными чувствами. Только тогда ничто не сможет помешать его планам. Ведь хуже всего, когда ты не владеешь собой и своими эмоциями. Именно тогда ты теряешь власть и над собой, и над своей жизнью.

Но все разговоры о том, что дети не отвечают за грехи ро-

дителей, Андрею хотелось задвинуть на задний план, потому что в этот момент он понимал – если бы он хотел отомстить именно Алисе, то отказал бы ей и выставил из номера. Это была бы отличная месть.

Ведь главное для нее, это убраться из города и избежать свадьбы с Карапетяном. Представить то, что с ней станет творить этот гориллоподобный человек, не составляло труда. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Андрея, когда его фантазия услужливо подкинула ему картинки происходящего.

Он мог бы и дальше представлять себе, какой несчастной Алиса Бражникова станет, оказавшись в лапах Карапетяна. Но это бы не решило тех проблем, которые были связаны с ее отцом. Более того, усугубило бы их. Так что все, что происходило с ними сейчас, было действительно правильно.

Андрей нагнулся к виску девушки и вдохнул запах ее кожи.

– Сколько тебе лет, Алиса?

Ее глаза расширились, а тело напряглось.

– Через неделю исполнится восемнадцать, – очень тихо ответила она. – Я в школу позже на год пошла, потому что болела, – Алиса обхватила горло ладонью. – Совсем говорить не могла. И сейчас иногда голос пропадает, когда волнуюсь.

– Мне нравится твой голос. И нравится, когда ты волнуешься, – усмехнулся Андрей.

"А еще мне нравится, что ты ни хрена не понимаешь в

том, что происходит..." – мелькнула в его голове противная мыслишка.

Однажды его отец как-то заметил, что в каждом живут два человека, которые бьют ногами третьего. Странная фраза, которую Андрей так и не смог понять до сих пор.

– Тебе придется во всем слушаться меня, – предупредил он Алису, с чем она тотчас согласилась, кивнув и сжав кулаки.

Ее готовность одновременно и позабавила, и разозлила его.

"Нет, нянчиться я с тобой не собираюсь!" – решил он и сказал:

– Иди в комнату и ложись на кровать.

Взгляд Алисы мгновенно потемнел. Она отступила на шаг, но Андрей был неумолим.

– Или ты слушаешься меня, или мы расходимся.

За пару секунд на ее лице отобразились все "оттенки серого". И все же она сделала то, что он просил. Вышла из ванной и направилась в комнату. Оглядев кровать, села и обхватила себя руками.

– Ложись, ложись, – отмахнулся Андрей и быстро посмотрел сначала на часы, а затем в окно.

"Еще максимум десять минут... Успею!"

Серый полумрак таял на глазах. Ладони щекотало от ощущения азарта и выброса адреналина.

Андрей медленно подошел к кровати. Крепко зажмурился.

шись и прикусив нижнюю губу, Алиса лежала ровно посередине и, кажется, даже не дышала.

"Ничего ты не знаешь, Алиса. Ни о том, что на самом деле думает Люба, ни о том, что номер расположен как раз над служебным помещением, где сейчас дремлет дежурная, ни о том, что произойдет дальше..."

Он встал коленом на край, подтянулся и навис над девушкой, ухватившись за изголовье.

– Попалась? Теперь держись...

Она глубоко вдыхает и задерживает воздух, чуть отвернув лицо и крепко зажмурившись. Слышу, как сминается покрывало под ее пальцами. Как бы я ни старался, но мои бедра соприкасаются с ее, а так как задника у кровати нет, то Алиса ощущает мой вес в полной мере. Вполне приличный, несмотря на мою природную худощавость. Как говорится, нельзя быть слишком богатым и слишком худым, хотя попробовать и то, и другое, определенно стоит.

Зачем я это делаю? Есть две веских причины. Во-первых, теория не должна расходиться с практикой. Два тела на кровати, чем бы они там ни занимались, есть величина физическая. Согласен, Алиса – это не Люба, но кто это проверит? И второе...

То, с какой покорностью Алиса выполняет мой приказ,

действует на меня как красная тряпка на быка. Не то, чтобы я был недоволен данным фактом, но все же предпочел бы, чтобы она заорала или дала мне по морде. Но что-то мне подсказывает, что таким образом она ломает себя. То, что я сейчас творю, нарушает не только границы личного пространства, но и должно оскорбить ее, однако она сносит все с такой покорностью, что у меня сводит скулы.

Встряхнуть бы ее хорошенько, так чтобы мозги встали на место!

Алиса отворачивает лицо лишь на мгновение, затем, словно внутри нее щелкнула пружина, распахивает глаза и пытается прожечь меня своим взглядом до костей. Это уже лучше.

Мои мышцы пронизывает острая волна возбуждения. Я напрягаю плечи и толкаю изголовье к стене. Удар. Еще удар... Этот ритм настолько однозначен, что на меня нападает нервный смех. Приходится удерживать его в себе и представлять Любу.

В какой-то момент смотрю на Алису. Она растеряна, дезориентирована и напряжена до предела.

«Я не сплю с малолетками...» – хотелось бы мне успокоить ее, но... Люба, мать ее, пропадает, уступая Алисе.

– Все, достаточно, – я перекатываюсь на бок и тут же встаю с кровати. Руки и ноги дрожат, будто я только что без разминки тягал штангу в спортзале. – Хорошего помаленьку...

Все мои вещи в сумке, но я оглядываю номер и захожу в ванную, чтобы проверить все еще раз. Последний штрих – пройтись по изголовью кровати и спинке стула гостиничным полотенцем.

Не знаю, что думает Алиса, но сейчас она сидит и следит за моими действиями, будто ребенок, впервые оказавшийся в цирке.

– У тебя есть какие-то документы? – спрашиваю, не особо надеясь на положительный ответ. Ничего похожего на сумку или рюкзак я у нее не заметил.

– Только паспорт, – выдыхает она почти беззвучно и несколько раз кашляет в сжатый кулак.

Волнуется. Если так пойдет, то скоро я начну читать по губам.

– Иди за мной, быстро, – говорю сухо и вновь в приказном тоне. Это помогает держать хоть какую-то дистанцию между нами. Потому что пока я ни хрена не понимаю в том, как мы будем взаимодействовать дальше.

Осторожно поворачиваю ключ и приоткрываю входную дверь. В коридоре пахнет табачным дымом и знакомыми сладкими духами. Мы выходим, я слышу за своей спиной сдавленное дыхание Алисы. Мой номер последний в коридоре, поэтому сразу замечаю пару вдавленных в батарею бычков от тонких сигарет со следами помады. Люба выждала положенное время, прежде чем уйти. Умная шлюха – это редкость. А обозленная умная шлюха – вообще гаси свет. Если

Гантемиров еще этого не понял, то когда-нибудь, я очень на это надеюсь, ему придется столкнуться с бумерангом.

Надеюсь, разница между ее уходом и моим «выступлением» была достаточно незаметной, чтобы не возникло несоответствия. Есть надежда, что сквозь сон дежурная запомнит только стук кровати, а Люба все же умна и не из тех, кто напрашивается на чай.

Пожарный выход. Достаю отмычки и вскрываю простой замок. Замечаю, как Алиса приподнимается над моим плечом и тут же отступает.

– Второй этаж, – напоминаю на тот случай, если она забыла об этом. Судя по затуманенному и немного расфокусированному взгляду, она до сих пор еще находится под впечатлением от нашей постельной сцены. – Эй, – окликаю ее, – ты в порядке?

Надеюсь, она не грохнется в обморок во время спуска, иначе мне придется попросту добить ее там же. Шучу.

Похоже, в этом цирке Дю Солей я сегодня единственный клоун.

Лестница узкая, с тонкими железными перекладинами в ржавых пятнах и такими же перилами. Угол наклона такой, что хочется взлететь. Конструкция трясется и издает странное гудение, будто уговаривает здание отпустить ее погулять. Упаси господь оказаться здесь во время пожара.

– В следующий раз буду заселяться, только проверив все удобства, – бурчу и, перекинув сумку за спину, начинаю

спуск.

Проблема в том, что последний лестничный марш то ли спилен бравыми сборщиками металлолома, то ли был обломан во время учебной тревоги, и расстояние до земли увеличилось почти до двух метров. Для меня это не проблема, я просто спрыгиваю и жду, когда Алиса доберется до нижней ступеньки.

Она замирает в проеме, затем разворачивается спиной и начинает потихоньку сползать.

– Прыгай, – киваю, когда она добирается до самого края.

Алиса спускает одну ногу и некоторое время висит, будто обезьяна на ветке. Затем снова поднимает ее и оборачивается ко мне.

Да, принцесса, а ты думала, будет легко? Горошины сами по себе в кроватях не появляются.

– Возьмись за перила. Крепко возьмись. А потом опусти ноги.

Не знаю, что на меня нашло, но мне хочется, чтобы она проделала этот обычный для дворовых детей трюк сама.

Алиса корячится и вскоре повисает над землей, цепко обхватив ржавые палки.

Подхожу к ней и придерживаю ее ноги чуть выше коленей.

– Отпускай.

Она разжимает пальцы, а мои руки, скользнув по бедрам, оказываются у нее под футболкой. Нас немного относит назад, но я держу ее, прижимая к себе и ощущая, как бьется

в ладони ее сердце.

Алиса дергается, пытаясь встать на полную стопу, а я никак не могу убрать руки.

– Все хорошо? – выдыхаю в ее затылок.

– Да, – она вырывается из вынужденных объятий и отскакивает на пару шагов.

Правильно, девочка, только так и надо...

– Стой здесь. Как только увидишь мою машину вон там, – я указал на место метрах в пятидесяти от здания, – лезь через кусты и подходи туда. Поняла? У тебя полторы минуты.

Она судорожно кивает, но не бежит стремглав, а замирает, словно у нее, как у часов, вдруг кончился заряд.

У нее еще есть возможность передумать. Остаться в Тимашевске.

Я направляюсь к стоянке, ни разу не обернувшись.

У нее есть шанс. Я дарю его ей.

Мои ладони зудят от прикосновения к ее коже, и сейчас я был бы согласен даже на Любу, чтобы сбить этот зуд, который не предвещает ничего хорошего.

13 Алиса

Она нырнула на заднее сидение, будто рыбка, чудом выскочившая из сачка ненавистного рыбака, который вспарывал и потрошил свой улов тут же, в лодке.

Ее преследовал рыбный запах, а вместе с ним и причудливые картины, которые рождало больное воображение. Она и правда была больна. Многие годы, с того самого момента, как прозрела. Сколько ей тогда было? Лет шесть или семь. Именно тогда родилась новая Алиса. Не та, которая жила в большом богатом доме, а другая – маленькая, юркая, серебристая и безголосая. Ведь рыбке не нужен голос, ей нужен быстрый хвост, сильные жабры и зоркие глаза. А еще – уши. Алиса как-то прочитала, что существуют ушастые окуни, или, как их еще называют, солнечные рыбы. Красивое название, конечно, но и только. На самом деле, рыбы обладают внутренним слухом, и что-то подобное, возможно, было и у нее. Однако себя она представляла именно такой – рыбкой с маленькими розовыми ушками.

Ушастая рыба, что может быть смешнее?

Только Алисе, той, которая жила в большом доме, было не до смеха. И если поначалу, когда рядом с ней еще находилась няня, мать и тетка – старенькая тихая женщина в белом платке, ее маленький мир был наполнен тихими шепотками, мягким рыхлым телом, в которое ее вдавливали,

когда в доме раздавались тяжелые шаги, и дальней комнатой, откуда они выходили лишь в сад, то потом...

Алиса не любила вспоминать об этом. Няня умерла, и мир изменился. Он стал гораздо шире и объемнее, будто кто-то вышиб все двери и сломал стены. Но вы пробовали жить среди обломков, торчащих балок, гвоздей и строительного мусора? Разумеется, выражаясь фигурально, но ей все виделось именно таким. Понятный прежде, теплый, пусть и скудный на радости мир приобрел очертания страшного полуразрушенного замка. А тот, кого следовало называть отцом, был его полноправным владельцем.

...Когда Дмитрий направился к стоянке, она все еще стояла в серой предрассветной темноте и никак не могла заставить себя сделать хоть один шаг. И Алиса-рыбка замерла, немного оглушенная произошедшим, но ее плавники ни на минуту не прекращали двигаться. Как и ее мысли.

Сети... проскочит ли она сквозь них? Не запутается ли снова? Не сгинет ли?

Рыбка Алиса взмахнула хвостом и ринулась сквозь шумящий поток. Впереди брезжило бескрайнее море. Неизведанное, волнуемое, дарующее свободу...

– ...не хлопай дверью. И будет лучше, если ты ляжешь на заднее сидение.

Его голос звучит тихо, но все равно отдается толчками в ее барабанных перепонках. Напряжение, которое жило в ней с тех самых пор, когда она узнала о существовании зла, просто

так никуда не уйдет. Хорошо это или плохо, она не знает, как не знает и другой жизни, где не приходится все время контролировать все вокруг. А в первую очередь, себя.

Матери не повезло. В ней не было той хитрости, которая, вероятно, передалась Алисе от отца. Ведь умение просчитывать опасность и избегать ее – это именно хитрость. Но матери это было не дано. Она все время попадала впросак. То не так посмотрела, то не так встала, то не то сказала... Напиваться до беспамятства она начала, когда Алиса должна была пойти в первый класс.

Прибегая из школы, Алиса вихрем пробежала по всему дому, чтобы убедиться в том, что все на своих местах. Отец мог придрататься к чему угодно, и даже если все было в порядке, избежать наказания удавалось редко. И чаще всего, именно из-за того, что к его приходу мать накачивалась вином, как пиявка. До Алисы в этих обстоятельствах дело уже не доходило, но лучше бы он срывался на ней, потому что слышать глухие удары за стеной было невыносимо.

О том, чтобы снова вмешаться, не было и речи. С того самого дня, когда она сделала это в первый раз. Что-то копилось у нее внутри все это время, горькое и безысходное, отравляющее кровь и мешающее дышать. До рвотных спазмов и желания порезать себя бритвой или столовым ножом. Тогда ее посещали странные мысли. Но там, где происходит насилие, других, наверное, и не бывает.

Тот день, когда между отцом и матерью в очередной раз

разразился скандал, Алиса помнила наизусть. Мучительное ожидание, похожее на предчувствие грозы, переполняло ее с самого утра. Кажется, мать тоже это ощущала. И словно специально бродила по дому неопрятная и дурно пахнущая.

Ее блуждающий взгляд время от времени останавливался на Алисе, и глаза ее пугали, потому что горели безотчетной яростью, которая, впрочем, быстро сходила на нет, уступая место тупому безразличию.

Когда приехал отец, стало понятно, что у него какие-то проблемы. Алиса могла определить его настроение по звуку шагов. А мать, ее красивая мать ни хрена не понимала, и это было ужаснее всего.

Разумеется, когда отец увидел ее, скандала было не избежать. Впрочем, скандал подразумевает диалог, пусть и на повышенных тонах, здесь же происходило нечто другое. Звериная отцовская натура вылезла наружу, а мать превратилась в молчаливую боксерскую грушу.

Алиса не выдержала и кинулась на ее защиту. Внутри нее будто прорвался гнойник, и ей стало все равно, что будет с ней. Лишь бы ее мать наконец уползла в свою комнату и закрылась там.

Хорошо, что он не убил ее тогда...

Она кидалась на него, а он смеялся хриплым смехом и называл ее бешеной сучкой. Потом схватил за горло, приподнял над полом, словно щенка, а затем отбросил в угол. Боль вышибла из нее все мысли и чувства. Но когда ты ничего не

чувствуешь, становится легче.

Хорошо, что не убил. А может, лучше, если бы...

– ...ты как?

Алиса приподняла голову с кожаного сидения, но тут же опустила ее обратно. Тело налилось свинцом, а щека опять впечаталась в кожаное сидение.

Наверное, надо было сесть и посмотреть в окно, чтобы увидеть подернутые сонным туманом улицы, проститься с тем, что через несколько минут останется в прошлом. Но она давно поняла, что прошлое никуда не девается. Оно проросло внутри нее своими кривыми мертвыми корнями и не хочет сдавать свои позиции.

– Хочешь пить?

Алиса не ответила. Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и с наслаждением нырнула в темную прохладную воду...

Когда именно прекратилось движение, Алиса не поняла, и сколько проспала, уткнувшись в кожаную автомобильную обивку, тоже. В голове было мутно, словно черепная коробка превратилась в аквариум наподобие тех круглых, где держат неонов или гуппи. Среди ее одноклассников ни у кого не было аквариума, в их семьях предпочитали разводить скотину или держать собак. Что проку от мелкой рыбешки, которая все время только жрет и гадит, а еще в самый неподходящий момент норовит сдохнуть в стенах пластикового замка или под заросшей склизким мхом корягой.

Ухватившись за скрипучий бок водительского сидения, Алиса тяжело приподнялась и огляделась. Дмитрия в машине не оказалось, стекло его двери было приспущено и через него в салон поступал степной горячий, наполненный ароматами шалфея и ковыля, воздух.

Алиса прищурилась, пытаясь уловить хоть какое-то движение, но кроме жужжащих насекомых и качающихся маковых головок, красными пятнами разбавляющих желто-зеленую траву, ничего не увидела. И все же ей понравилось то, что ее окружало. В мерном гудении и ослепительно-ярком солнце, бесстыдно раскинувшемся на небе, время останавливалось, а вместе с ним, притуплялись и мысли. Луга и степь вокруг Тимашаевска были давным-давно перепаханы,

так что подобный кусок диковатой природы впечатлял. Однако Алиса одернула себя, заставляя собраться, потому что клевер и маки цвели для романтично настроенных девушек, а себя она таковой не считала.

Ведь стоило ей оказаться наедине с собой, как легкий тревожный холодок вновь пробежался по ее позвоночнику, а мозг опять прострелила навязчивая мысль: а что, если он передумает? Что, если поступит так же, как тот, кому она однажды доверилась, будучи ребенком. И рассказала о том, что происходит в ее доме.

Его звали Тимофей Ильич, и он работал дворником при школе. Смурной дядька, отставной военный, гонявший мальчишек за курево во время перемен, жил где-то на окраине города. Был он не местный, то ли купил, то ли снял дом, переехав откуда-то с Севера.

Занятия в начальной школе заканчивались рано, но Алиса домой не спешила. Слонялась по школьному двору, висела на турнике и думала, думала... Однажды, оставив метлу, подошел к ней и довольно грубо спросил, почему она болтается вниз головой вместо того, чтобы идти учить уроки. Тогда ее еще не "водили", потому что школа была недалеко от дома, да и кому бы в голову пришло приставать к Бражниковой дочке.

Единственный раз тогда Алиса позволила себе быть откровенной. Пожалуй, все дети в этом возрасте еще уверены в том, что у взрослых есть ответы на все вопросы. Из под-

слушанных разговоров одноклассников она вынесла многое – семейные споры и скандалы происходили не только в ее семье. И все же, то, что творилось за стенами ее дома, казалось гораздо страшнее, чем единичная пьяная драка на дне рождения тещи или визгливое выяснение отношений с выдиранием волос между ревнивыми соседками. Ее дом обходили стороной. Как и ее.

Тимофей Ильич курил вонючие самокрутки и слушал ее, прислонившись к турнику. Потемневшие от курева узкие губы его кривились, и скоро пяточок перед ним был оплеван желтоватой слюной.

– С-сука... – процедил он, когда Алиса шепотом поведала ему о том, как отец избил ее и продолжает издеваться над матерью.

Ее даже не кольнуло это слово. Она слыхала и похуже.

– Тварь, – глухо пробормотал дворник. – Убить мало.

Алиса едва не упала с перекладкины.

– Пьет? – продолжил Тимофей Ильич, разминая коробок спичек.

– Кто? – не поняла Алиса.

– Мать твоя. Видел ее.

– Угу...

Где и когда он мог ее видеть, она не спросила. Что-то внутри Алисы отозвалось на его мрачный взгляд, и она поверила, что дворник, так жестко говоривший об ее отце и не боявшийся его, обязательно поможет. Ну и что с того, что сей-

час он работает дворником? На 23 февраля Тимофей Ильич пришел на школьный концерт в кителе, и на его груди даже блестела медаль.

– Надо что-то решать, – дернув шеей, сказал он.

Она поверила ему. Не могла объяснить почему, но в его голосе Алиса отчетливо услышала самую настоящую ненависть. Она ведь и сама ненавидела. Только ей в своем щенячьем возрасте нечего было и думать о том, чтобы справиться с отцом. А Тимофей Ильич был взрослым и серьезным дядькой.

Через несколько дней, вечером субботы, она увидела из своего окна, как он идет в направлении их дома. Остановившись у забора, он некоторое время курил, качая головой. Алиса вся извелась, прижимаясь лбом к стеклу. Наконец, когда он скрылся из виду, она стала терпеливо ждать, что будет дальше.

Однако ничего не произошло. Через пару часов Алиса спустилась и долго бродила по двору и саду, чтобы унять дрожь в руках и ногах и избавиться от глубокого разочарования.

А в понедельник Тимофей Ильич уехал. Даже не рассчитался на работе. Об этом Алиса узнала, подслушав беседу директрисы и завуча в коридоре перед учительской.

"Испугался", – решила она и почему-то подумала, что раз уехал, не забрав зарплату, значит, получил деньги от отца. Ведь тот всегда решал проблемы именно так.

С того момента отец стал смотреть на нее иначе. Она постоянно ловила на себе его тяжелый взгляд и содрогалась от мысли, что он знает о том, что она сделала.

И вот сейчас она снова поверила, потому что услышала в голосе Дмитрия Валентиновича, тогда в кафе, знакомый отзвук ненависти. И сейчас она была готова на все, чтобы скрыться. Исчезнуть, раствориться в людском потоке. Сгинуть, как Тимофей Ильич. Наверное, только богу известно, с чем ей пришлось согласиться за эти несколько часов, пока она принимала решение. Ведь если бы она верила, если бы хоть на мгновение могла заставить себя поверить в божественное участие, то сейчас бы жарко шептала одну из тех молитв, из которых состояла ее старая няня. Маленькая Алиса тоже молилась, сцепляя перед собой ладони. Но это было очень давно, с тех пор ощущение возможного чуда практически стерлось из ее памяти.

Странное дело, все эти дни где-то внутри нет-нет да откликалось что-то вроде: господи, пожалуйста, сделай так, чтобы...

Она пошла на обман, сказав, что ей еще нет восемнадцати. Ей было важно увидеть реакцию этого молодого чиновника. Возможно, подобная ложь не могла уберечь ее от приставаний, но она сработала. Хотя, положив руку на сердце, в какой-то момент Алиса почувствовала совсем другое – Дмитрий вызывал в ней странные и противоречивые чувства. Рядом с ним она почти успокаивалась. Почти. Потому что дове-

риться полностью у нее бы все равно не получилось. И правильность принятых решений казалась ей незыблемой.

Автомобиль наполовину съехал с проселочной дороги, которая была такой узкой, что даже не верилось, что она способна вместить колею внедорожника. Примятая трава топорщилась золотистыми колосьями, над землей взметались сухие пыльные струйки. Послышался какой-то звук. Алиса обернулась и увидела Дмитрия, который выбирался из зарослей на дорогу.

Его костюм, запыленный и мятый, уже не выглядел таким представительным, как поначалу. Глядя на то, как молодой мужчина пытается стряхнуть с себя прилипшие колючки и паутину, губы Алисы дрогнули в улыбке. Таких как Дмитрий Валентинович, в ее доме называли коротким словом "окурок", будто те, кто работал в городской администрации и являлся с ее отцом, таковыми не были. И все же, он отличался от них. Несоответствие его образа ощущалось как мелкие дробинки песка на зубах, непонятно каким образом оказавшиеся в воздушном зефире. Их в принципе там не должно было быть, и все же они там были.

Он мог оказаться совсем не тем, чей образ рисовался в ее голове. Ей не хватило времени, чтобы подготовиться и изучить его. К горлу опять подкатила горечь – невозможно учесть каждую мелочь. И если пока все шло по плану, то просчитать наперед, как поведет себя этот лохотенный и нагловатый столичный чинуша, никак не получалось. Стоя за две-

рю ванной, она вся взмокла, пока Люба находилась в гостиничном номере. Нет, тогда ее пугало не то, что могло произойти между ними. По большому счету, Алиса даже где-то ждала именно такого развития событий. Перетерпеть стоны и хлюпающие звуки за дверью, заставить себя не думать об этом ради своей цели, было несложно. Но время, которое утекало, словно песок сквозь пальцы, терять не хотелось. Не в тех она условиях, чтобы задумываться о том, что этот парень ей симпатичен. Или о том, как он на нее, Алису, иногда смотрит. Ведь очевидно, что его взгляды и намеки – всего лишь обычная похоть. А похоть – это значит походя, между делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.